

СЕРИЯ  
ЭКЗЕМПЛЯР



# СМЕНА

22  
1954

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

# Мой любимый

Слова Эдуарда АСАДОВА.

Музыка Илья ГОРНИА.

Не спеша, выразительно  
Па-рель с са-мими гла-за-ми тво-и мо-и...  
Быстро, легко  
- Вербы шепчут над ре-  
-и окном сто-ит, и го-речи ми-и сло-вами он мне серд-це бе-ре-дит.  
-и мо-и, мо-и ка-кая, по-смотри! Ты хо-ди, пойди со мною, но по-гу-ляем до мо-  
Лукливо  
-и з б от. ве-ти-ла, на меч, но, дес-ять, сам встре-чу за ре. Но ведь з-то ж мой люби-мый, но ведь  
-и а то мой серд-це мой... Да, на, выйду го-ро.  
-и а то мой серд-це мой... Да, на, выйду го-ро.

Парень с синими глазами  
Под моим окном стоит  
И горючими словами  
Он мне сердце берedit:  
— Вербы шепчут над рекою,  
Ночь, какая — посмотрит!  
Выходи, пойдем со мною  
Погоулим до зари,  
Я б ответила, конечно:  
Десять, сам встречай зарю,  
Но ведь это ж мой любимый,  
Но ведь это ж мой любимый!  
— Ладно, выйду — говорю,  
Мы сядем над обрывом,  
Месец плыв наисносом...  
Волны мятю, шаляковлю  
Набегали на песок...  
Мой парнишка вдруг смутился,  
Посерьезнел, замолчал,  
Вликая сел. Потом склонился

И меня поцеловал.  
Я всмочила бы, конечно,  
Рассердилась на него,  
Но ведь это ж мой любимый,  
Но ведь это ж мой сердечный!  
Я смочила... Ничего...  
В воскресенье он явился,  
Постучался у ворот.  
Весь, глупый, привалялся,  
Поманял и плетню и жидет.  
Тут он, остав глеводу мною,  
В пальцах ветку теребя,  
Молвил: — Будь моею женою,  
Нег нитья мне без тебя!  
Я б ответила, конечно:  
Мол, не и спешу... посмотрю...  
Но ведь это ж мой любимый,  
Но ведь это ж мой сердечный!  
— Глупый, сватай! — говорю.



Константин Георгиевич Паустовский с группой молодых литераторов, студентов Литературного института имени А. М. Горького, беседует о предстоящем Втором всесоюзном съезде советских писателей.

Фото Г. Борисова.

*Пролетарии всех стран, соединитесь!*

# СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал  
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 22. 1954 год.

Год  
издания  
31-й.

# НАШ МОЛОДОЙ ГЕРОЙ



В галерей ярких и глубоких образов, созданных классической литературой прошлого, заметное место занимают образы молодых героев. Среди них много великих людей, «умных неунывающих, которых покорило крепостничество или буржуазное общество, но немало и смелых патриотов, революционеров, посвятивших свою жизнь делу народной освободительной борьбы. В нем рабочие писали об огромном значении и своевременности книги Горького, ибо писатель ввел в литературу тип высознательного рабочего Павла». «В лице Павла», — говорилось в «Открытом письме М. Горькому», — в русской литературе, можно сказать, впервые выступил рабочий, проникший всеми фибрами души думою того идеала, который несет освобождение от оков жизни не только рабочему классу, но и всему человечеству, который рисует нам новую гармонично-красивую, свободно-радостную жизнь всеобщего счастья».

Великая Октябрьская социалистическая революция, освободив трудящихся нашей страны от эксплуатации и угнетения, вызвала небывалый подъем творческих сил. Социалистический строй создал исключительные благоприятные условия для духовного роста людей, для свободного развития лучших, самых возвышенных качеств человеческого характера.

Под влиянием идей марксизма-ленинизма в нашей стране выросла прекрасная молодежь. Коммунистическая партия и Ленинский комсомол воспитали ее в духе советского патриотизма, самоотверженности и настойчивости в борьбе за великие идеалы трудящегося человечества.

Советская литература, правдиво изображающая нашу действительность в ее революционном развитии, не могла пройти мимо молодежи и ее героических деяний. «Дело чести советских писателей — создать образ молодого революционера нашей эпохи», — писал Н. Островский. Достаточно назвать произведения «Как закалялась сталь», «Танкер «Дербент», «Парень из нашего города», «Зоя», «Молодая гвардия», «Повесть о настоящем человеке», чтобы убедиться в том, что молодые герои советской эпохи нашли достойное художественное воплощение в творчестве наших писателей. Это, несомненно, — одно из самых серьезных достижений советской литературы за годы, прошедшие со времени Первого всесоюзного съезда советских писателей.

Ровно двадцать лет назад появился роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Но, может быть, только теперь, после того, как герой книги Павел Корчагин вместе с солдатами и офицерами Советской Армии прошел горнило Великой Отечественной войны, после того, как он встал в ряды молодых строителей социализма в странах народной демократии, после того, как не без его влияния наша молодежь самоотверженно встала по призыву парти за подъем целинных земель, стало ясным все значение этого романа.

Создание образа «молодого борца, на которого равнялся бы молодежь», Н. Островский считал самым задушевным делом своей жизни. Он отдал ему все силы, всю страсть писателя-коммуниста, и потому, что художник вложил в творчество не только разум, но и сердце, любовь и ненависть, ему удалось создать книгу, адресованную миллионам читателей.

Павел Корчагин не исключение, он столь же типичен, как и его предшественник, герой горьковской «Матери» Павел Власов. Но если Павел Власов выступает как подпольщик и провозвестник революции, то Павел Корчагин уже с оружием в руках защищает завоевания первого в мире государства трудящихся, практически участвует в строительстве социализма. Отсюда советский патриотизм Корчагина — это его сознание личным и государственным интересом, его новое, социалистическое отношение к труду. Книга Н. Островского омоло-

дом герое — это гимн революции и советскому строю, формирующим новые характеры.

Павел Корчагин — это настоящий герой, достойный подражания, подлинный рыцарь без страха и упрека, образец высоких моральных качеств: героизма, мужества, преданности великому делу коммунизма.

Убеждение, что смысл и счастье жизни в борьбе за коммунизм, вошло в плоть и кровь Павла Корчагина, определило его поведение, моральные принципы, отношение к людям. Он проявляет мужество и твердость характера и на войне и в труде, он всегда идет на тот участок борьбы, где партия больше всего нуждается в активном, волевым, преданных людей. Корчагин чест и благороден в дружбе и любви, скромен, принципиален и честен, непримирим ко всякой несправедливости.

Огромное влияние оказал роман «Как закалялась сталь» на советскую литературу. Вслед за Н. Островским многие писатели обратились к изображению советской молодежи, ее морального облика, труда и быта, духовного роста. Уже в довоенные годы появились такие известные произведения, как «Мужество» В. Кетлинской, «Два капитана» В. Каверина, «Слава» В. Гусева, «Таня» А. Арбузова, произведения, различные по содержанию, жанрам, стилю, но близкие по цели — показывать молодое поколение нашей страны.

Тогда же явилась в свет и повесть «Танкер «Дербент» Ю. Крымова, главный герой которой молодой механик Басов принадлежит к числу лучших, наиболее содержательных, выразительных образов советской литературы. Легко увидеть сходство между Басовым и Павлом Корчагиным, но молодой герой «Дербента» обладает своими глубокими психологическими чертами и в отличие от героя «Как закалялась сталь» — это человек периода предреволционных пятилеток, когда широко развернулось социалистическое соревнование и движение новаторов производства, знаменующие собой развитие нового отношения человека к труду.

Задача создания образа положительного героя современности, человека, Басов приспосабливается в те годы одной из важнейших задач советской литературы. Постоянно напоминал об этом А. М. Горький. «Основным героем наших книг», — говорил он на первом съезде писателей, — мы должны избрать трудящегося человека, организованного процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, человека, в свою очередь организующего труд под своим делом, сортирующего, сопротивляющегося, вступающего в искусство. Мы должны учиться понимать труд, как творчество».

«Танкер «Дербент» Ю. Крымова является прямым ответом на призыв Горького. Молодой герой повести Басов это и есть человек, сформировавшийся под воздействием труда, новатор производства, ломающий привычные производственные нормы и навыки, понимающий труд как творчество.

Как и Павел Корчагин, Басов совсем не является личностью исключительной, избранной. Это обыкновенный, еще простой и скромный молодой коммунист. Ему, как миллионам других коммунистов и комсомольцев, свойственно чувство ответственности за успехи социализма и глубокая принципиальность. Постоянно «блуждая» по ступеням искусства. Мы должны учиться понимать труд, как творчество».

Крымов показывает, что способность пойти на подвиг, подлинная романтика присущи массе рядовых советских тружеников. В изображении свободного творческого труда и его значения для воспитания высоких моральных качеств, в создании положительного образа молодого новатора производства и заключается огромное достоинство повести Ю. Крымова «Танкер «Дербент».

В предвоенные годы вырос и сформировался и сверстник Басова — герой известной пьесы К. Симонова «Парень из нашего города» — танкист Сергей Лукин. Но, показывая его, писатель ставил перед собой иные цели, нежели Ю. Крымов. В Европе все шире разрасталась опасность агрессии, мировой война приближалась к нашим границам, угроза нашествия гитлеровской Германии на Советский Союз становилась все более явственной. Вполне естественно, что в литературе того времени все сильнее начинает звучать тема защиты Родины, вооруженной борьбы с фашизмом, воинского мужества и подвига. Эта тема является главной в творчестве К. Симонова тех лет. Своей пьесой о советском комсомольце, получающем боевое крещение в Испании и самоотверженно драматизирует на Халхин-Голе, писатель утверждал, что советское общество создало и воспитало замечательное поколение мужественных и отважных молодых патриотов, готовых по первому зову партии стать на защиту Родины, пойти в бой за дело коммунизма, за свободу и независимость нашей страны.

В образе Сергея Лукина, русского парня, каких можно найти в любом советском городе, К. Симонову удалось воплотить характерные

черты своих молодых современников, воспитанных комсомолом, партией, Советской Армией: силу и сиромность, смелость и упорство, мужество в бою и верность в любви и дружбе. Национальная гордость советского человека слита в сознании Сергея Луконина с глубоким чувством протестной интернациональности. Он готов умереть и на чужой земле, лишь бы «люди на своем языке» — на китайском, на французском, на испанском, на каком там будет, — сказали: «Ряд русский парень, он умер за нашу свободу».

Создавая повесть «Парень из нашего города», К. Симонов стремился к тому, чтобы в предостережение нашей Родине отуропивших советских соотечественников брать пример с Сергея Луконина. Образ главного героя пьесы воспитывал молодежь в духе советского патриотизма, в духе славных традиций комсомола и Советской Армии.

В годы Великой Отечественной войны советские писатели подчинили свое творчество задаче разрыва врага. Многие замечательные произведения советской литературы периода Великой Отечественной войны посвящены изображению молодых героев войны. В центре этих произведений стоит образ молодого советского человека — активного участника борьбы с фашистскими захватчиками, проявившего на войне огромные духовные силы, высокие моральные качества.

Славный патриотический геройиня Зоя Космодемьянская посвятила свою лирическую поэму «Зоя», М. Алигер. Поэма является одним из лучших произведений советской литературы военного времени. М. Алигер раскрыла внутренний мир девушки, проследила ее разрыв от школьных лет до бесстрашного подвига, сумела передать обаяние юной патриотки.

Где-то в сердце Алигер рисует как ее величайшую победу, но Зоя и ее подвиг стали примером для миллионов, символом непоколебимости советского народа. В этот житеизнтверждающая сила воплощающейся поэмы Алигер.

Типические черты советской молодежи, ставшей на защиту Родины, хорошо показаны в своей поэме «Сны и другой пол» П. Антокольский. Герой поэмы — советский юноша, погибший на войне, человек творческих исканий, созидательного труда:

Он искал труда, иск воздуха и норма;  
Чертила, миг в пальцах, красил, что-нибудь.  
Колесил логарифмом, брал формулу  
Поиски за ним за школы в дальний путь.  
Материки свел, и гитлеров в театр,  
Модели, технику, не выдумавши нигде...  
Его мечты хранило в янине на три  
И на три века, — так он искал труда.

П. Антокольский еще показывает, как в смертельной борьбе с врагом обнаруживаются идейное и моральное превосходство молодого поколения нашей Родины, вступившего в жизнь для творческого труда, над фашистской молодежью, развращенной поджигателями войны. Гневно звучат слова поэта, обращенные к отцу гитлеровского солдата, взрешившего сына-убойцу:

Мой сын был комсомольцем. Той — фашистом.  
Мой мальчик — человек. А твой — палач.

Но, конечно, индле советская молодежь периода Великой Отечественной войны не была показана с такой правдой и художественностью, как в одном из самых выдающихся произведений советской литературы — романе А. Фадеева «Молодая гвардия».

В «Молодой гвардии» А. Фадеев с глубоким волнением рассказывает о героической борьбе молодых подпольщиков Краснодона против гитлеровских оккупантов, с огромной силой изобразил, как в тяжелых условиях вражеского нашествия обнаружилась нравственная красота, патриотизм, гордый, отважный дух советской молодежи. При этом писатель показал, что эти качества молодого поколения страны Советов воспитаны социалистическим строем, Коммунистической партией, всеми условиями жизни советских людей.

Писатель уверенно рисует молодогвардейцев. В Олеге Кошевом, вожаке молодогвардейцев, он подчеркивает ум, смелость, организаторские способности; в Ване Зенинухе, которого товарищи прозвали «профессором», — широту интеллектуальных интересов; в Ульяне Громовой — душевную глубину, сердечность, нравственную силу; в Сергее Толовине — мечту о подвиге; в Любе Шевцовой — смелость и отвагу. Особо отмечает Фадеев моральную чистоту своих героев. Их любовь сыла и преданна, их дружба трогательна и нерушима.

Рисуя молодое поколение советского народа, А. Фадеев показывает его неразрывную связь со старшим поколением и преемственность революционных традиций. Как коммунист Журбай и старые рабочие учили Павла Корчагина великой науке революции, так коммунисты Проценко и Лютиков настойчиво и терпеливо передают молодогвардейцам свой опыт борьбы, руководят их подпольной работой.

Образы молодогвардейцев в романе Фадеева отмечены духом революционной романтики. В них найдут отражение прекрасные черты революционного человека социалистического общества. Именно поэтому Олег

Кошевой, Сергей Толовине, Ульяна Громова стали такими же любимыми героями советских читателей, как Павел Васос и Павел Корчагин. Огромной популярностью пользуется «Молодая гвардия» и за рубежом — в Индии и Австралии. Один из героических участников освобождения Борнея корейского народа против американской агрессии, Со Кван Вин, так затмевался о романе Фадеева: «Если бы наша молодежь не прочла эту замечательную книгу, мы, может быть, не сумели бы так крепко сорганизоваться, когда наступил тяжелый для Родины час...».

Но все мы читали эту книгу, все мы восхищались Олегом Кошевым и его друзьями и старались подражать им до конца».

К изображению молодого героя Отечественной войны обратился и Б. Полевой в «Повести о настоящем человеке». Герой повести летчик Мересьев воспроизводит реальные черты героя Советского Союза Алексея Мересьева, и события, изображенные в повести, соответствуют действительным фактам жизни Мересьева. Однако реальному человеку и сиял кистью его биографии. Полевой шел там же путем, что и М. Горький в «Матери», Д. Фурманов в «Чапаеве», Н. Островский в «Как закалялась сталь», А. Фадеев в «Молодой гвардии». Он сочетал фактичность достоверности с художественными обобщениями. В результате получился книга об Алексее Мересьеве как о типическом представителе нашего молодого поколения. Недавно на страницах «Правды» Б. Полевой очень справедливо писал, что в наше время — время героев — писателю может «найти среди окружающих его современников совершенно конкретного человека, в характере которого с особым ярким запечатлел черты нашего времени». И, найдя такого человека, художник может смело взять его за руку и вести на страницы своей книги или на сцену театра, каков он есть...».

Б. Полевой глубоко раскрывает истоки героизма Мересьева. Сознание воинского долга, патриотизм и сила характера советского человека не гаснут, а только усиливаются, и помогают герою в снейной пунтине преодолеть сверхчеловеческие страдания, выжить и бороться до свох. Когда же у Мересьева были отняты обе ноги и он овладевал отчаяние, «большой, могучий человек» комиссар Воробьев и другие советские люди, сама атмосфера советской жизни — атмосфера героизма, дружбы, гуманности — приоткрыли ему вратцы в иной, более большой мир. Мересьев преодолел свои скорбные думы, мобилировал волю, снова становится полноправным членом славной семьи советских соколов. Победил могучая сила духа и несприемная воля молодого летчика, воспитанного советским обществом.

Образ молодого современника нашел себе место на страницах аннотии других произведений послевоенной советской литературы. Наш читатель запомнил лейтенанта Травкина из повести Э. Казакевича «Звезда» — человека удивительной душевной чистоты и мужества; инженера Алексея Кошова и Танию Васильченко из романа В. Ажеева «Далеко от Москвы», самозатверженным творческим трудом в трудных условиях победы на фронте; молодого фронтовика Егора Ширкова из повести А. Недогонова «Флаг над сельсоветом», вернувшегося с войны и страстно включившегося в борьбу за подъем колхозной деревни; его товарища по судьбе — Сергея Тутарнова из романа С. Булавинского «Кавалер Золотой Звезды»; молодого рабочего Алексея Журбинина из романа В. Кочетова «Семья Журбинных», достойного продолжателя лучших пролетарских традиций семьи Журбинных; студентов Черкашина и Белова из повестей В. Добровольского «Трое в серых шинелях» и Ю. Трифонова «Студенты»; девушку-агронома Настю Ковшову из «Повести о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой и многих других молодых героев литературы последнего времени.

И все же следует признать, что в советской литературе послевоенного времени образ молодого советского героя еще не показан так, как он заслуживает этого.

В произведениях, посвященных послевоенной жизни, он, по существу, появляется лишь в отдельных эпизодах. Книги, где молодой герой дан крупными планом, и сожалею, неглубоки. Содержание и художественная сила значительно уступают таким книгам, как «Как закалялась сталь», «Танкер «Дербент», «Молодая гвардия», и другим произведениям о советской молодежи довоенных лет и периода Великой Отечественной войны. В этих произведениях молодым героям нет возможности проявить свои силы и характер, так как писатели удерживают их дороги, не позволяя им совершить значительные прелести.

Нет никакого сомнения в том, что советские писатели на основе накопленного богатого опыта могут создать яркие образы молодых героев нашего времени. Это поможет мастерам слова выполнить задачу, поставленную перед литературой нашим народом и партией, — осприедать подрастающее поколение, воспитанное в свои силы, до конца преданным нашему великому делу, не боящимся трудностей и готовым преодолеть любые прелести.

А. ДЕМЕНТЬЕВ

КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ  
СТАЛЬ

А. А. ФАДЕЕВ  
МОЛОДАЯ  
ГВАРДИЯ

ТРОЕ  
В СЕРЫХ  
ШИНЕЛЯХ

О НАСТОЯЩЕМ  
ЧЕЛОВЕКЕ

# ЗАЛО ВЕЩНОЙ МОЛОДОСТИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

## УЧИТЬСЯ МАСТЕРСТВУ

Н<sup>е</sup> так давно в издательстве «Советский писатель» вышел сборник статей «О писательском труде». Сейчас тшестно искать его на книжных прилавках: он разошелся в несколько дней. Иного нельзя было и ожидать, так как в последние годы мало издавалось таких книг. А потребность в них удовлетворяется с каждым годом, ибо в нашу литературу вливается новое поколение, которое жаждо тянется к знаниям, настойчиво стремится овладеть «секретами» литературного мастерства.

Сборник открывается знаменитой статьей М. Горького «Беседа с молодыми». В этой беседе великий мастер слова выступает против тех писателей и критиков, которые торопятся установить различные «бесспорные истины», «глубоко ответственной» работой литератора, — говорит М. Горький, — аксиоматизм, догматизм и вообще кустарное производство бесспорностей неизбежно ведет к ограничению, к искажению смыслов живой, быстро изменяющейся действительности.

Надо сказать, что в работе с молодыми писателями у нас еще и теперь есть немало недостатков, на которые в свое время указывал основоположник советской литературы.

Всем известно, какой вред принесли такие «бесспорные истины», как, например, теория «бескомфактности» или разговор об особом «производственном» жанре. Иные критики догматически требовали изображать все проявления духовной жизни советского человека, в том числе и любовь, в примитивной связи с его производственными и хозяйственными занятиями. Визанье подобного примитивизма в изображении человеческого характера чаще всего сводилось на произведениях молодых, неопытных авторов. Потоким был или нх в редакции, рассказы, пьесы и роман, в которых герой объяснялся, в любовь, так сказать, без отрыва от производства. Биеение живого человеческого сердца в таких сочинениях заглушалось грохотом машин и терминологией, уходящей далеко только что в специальных технических журналах.

Иным молодым авторам кажется, что «секрет» литературного мастерства состоит лишь в умении описать предмет или явление только внешним описанием факта или предмета. Необходимо глубоко выникать в существо событий и характеров, изучать жизненные явления во всей их сложности, а для этого нужно не только в совершенстве владеть литературной техникой, но и быть в самой гуще событий современности, постоянно закаляясь и совершенствуясь в себе характер героя. «Каждый из нас должен учить не только своим словом, но и всей своей жизнью, поведением», — говорил Николай Островский.

Выдающийся советский писатель П. Павленко замечал в своих записных книжках, что равнодушные люди редко становятся писателями. Писатель — прежде всего большое сердце. Он должен быть выразителем общественной активности, в характере советского писателя должна проявляться созидательная революционная энергия строителей новой жизни.

Когда этого нет, то легко скатиться на позицию пассивного созерцателя и равнодушного протоколиста событий. Увеличение форм при отрыве от повседневной кипучей жизни народа может привести литератора только к стилизаторству, манерничанью.

Одной из распространенных форм помощи молодым авторам является литературная консультация. В ней принимают участие литераторы весьма различной квалификации. И естественно, что сами консультанты многочисленных центральных и областных редакций и издательств вуждаются в постоянной, хорошей помощи. До войны эту роль выполнял созданный Горьким журнал «Литературная учеба»,

на страницах которого печатались статьи по наиболее острым, злободневным вопросам литературы; известные писатели делились своим творческим опытом и давали квалифицированные консультации начинающим. Журнал печатал также статьи по истории и теории литературы. Он принес большую пользу целому поколению нашей литературной молодежи.

Давно настала пора возродить это хорошее горьковское начинание. Журнал «Литературная учеба» мог бы стать сегодня настоящим координирующим организатором работы с молодыми авторами и воспитателем писательской молодежи в духе тех боевых традиций активного вмешательства в жизнь, которые завещал нам Горький.

В последние годы были испробованы такие новые формы литературной учебы, как конференции, совещания и семинары молодых писателей и критиков. Всесоюзные совещания молодых писателей явились для их участников неплохой творческой школой.

Однако ни совещания, ни семинары, которые проводятся далеко не каждый год, ни хорошо поставленный журнал литературно-творческой учебы не могут заменить постоянного живого общения начинающих с мастерами советской литературы. Мы хорошо знаем, что значила постоянная отеческая забота и теплое человеческое внимание Горького для таких писателей, как Л. Леонов, Вс. Иванов, К. Федин, Ф. Гладков. Ведь все они вышли в большую литературу из «горьковской школы». Вс. Иванов, вспоминая о своих встречах с Горьким, подчеркивает, какое значение в его писательской судьбе имели первые письма Алексея Максимовича, в одном из которых по-человечески просто заботливо

### Литературные эпиграммы

Рисунок Н. Лисогорского.



#### Б. ПОЛЕВОМУ

О настоящем человеке повесть,  
Что говорить, написана на совесть.

Читатель, верно, согласится тоже:

Такая книга «Золота» дороже.

А. РАСКИН

было сказано: «Берегите себя». «Не я беру себя, а меня «берегут» эти слова!» — говорит Вс. Иванов. — Два письма, полученные мною от Горького незадолго до гражданской войны, как два крыла, поддержали меня». В этих письмах было столько человеческого внимания к начинающему писателю, такая сердечная помощь великого пролетарского художника — помочь советом, критикой, что после них нельзя было не творить и не бороться.

Сегодня среди нас не Горького. Но есть большая группа хороших и разных советских писателей, призванных продолжать горьковские традиции. И хочется верить, что теми самими руками, которые еще сохраняли тепло дружеского горьковского рукопожатия, пишутся и будут еще написаны сердечные слова отеческого одобрения и поддержки многим из тех, кто дерзает ныне выйти на дорогу литературного творчества. Трудно, невозможно себе представить дальнейшее перекрестие развития и роста писательской смены без того, чтобы вокруг таких опытных художников, как М. Шолохов, А. Фадеев, Л. Леонов, К. Федин, К. Паустовский, Ф. Гладков, Н. Асеев, А. Твардовский, А. Сурков, Н. Тихонов, Вс. Иванов, не возникла и с каждым годом не множилась плеяда талантливых молодых писателей, драматургов, поэтов.

Советской литературе накопили большой опыт борьбы за боевое искусство социалистического реализма. И этот опыт надо сделать достоянием молодежи. Выход сборника «О писательском труде» и серии книг о поэзии, в которую вошли работы «Как делать стихи» В. Маяковского и «О поэтическом мастерстве» М. Исаковского и «Как был написан «Воскресший Теркин» А. Твардовского, — это только скромное начало большой работы по изданию книг о литературном мастерстве. Этой работой, очевидно, должно заниматься не только одно издательство «Советский писатель». Правильное отношение к этой работе не имеет, безусловно, издательство «Молодая гвардия».

Накануне Первого съезда советских писателей «Профиздат» выпустил библиотечку «Мой творческий опыт — рабочему автору», в которой были книжки Д. Бедного, Н. Тихонова и других литераторов. А разве сейчас не возникла у нас настоятельная потребность в регулярном издании подобной библиотечки для молодого автора?

Определив, неоценимую услугу в литературной учебе молодежи окажет выпущенная недавно большим тиражом книга «М. Горький о литературе». К этой настольной книге каждого молодого автора надо прибавить сборник «В. Маяковский о поэзии», книгу еще не изданную, но давно поставленную в ближайший план изданий самой жизнью.

К этим книгам надо присоединить еще целую серию работ других писателей, ибо, как верно заметил К. Паустовский, показать все многообразие особенностей творчества писателей, создать «энциклопедию писательского труда» под силу только большому коллективу наших литераторов.

Только в атмосфере постоянного, по-горьковски отеческого и требовательного внимания, только при условии коллективной воспитательной работы с молодыми писателями соответствующих комиссий Союза советских писателей, редакций журналов, издательства и всей нашей литературной общности, только в такой атмосфере по-настоящему может закалиться и расти писательская смена — завтрашние волевые и мужественные борцы за дело коммунизма, и владеющие оружием слова.

Второй всесоюзный съезд писателей, который пройдет в эту осень в стенах нашей литературы за двадцать лет, несомненно, уделит вопросу воспитательной работы и литературной учебы молодых большое, серьезное внимание.

В. МИЛЬКОВ

# О САМОМ ВАЖНОМ

Наша советская литература немалыми без молодежи, без воспитания и выщипывания литературной смен.

В связи с этим мне невольно вспоминается старик-садовод, которого я видел в колхозе близ Алма-Аты. В первый трудный послевоенный год он принял старый, заросший колючей сад и стал приводить его в порядок. Старик обработал довольно широкую, заросшую лохматым бурьяном и серой колючкой полосу пустующей земли между участками сада и посадил на ней семечки яблук и груш. Многие недоумевали: «Садом начинать с семян, когда есть саженцы?» Садовод им ответил: «Вы хотите брать готовые, окрепшие саженцы, а я хочу сам стоять у истоков жизни, наблюдать растение с его восхода, с первого листика до первого цветения!»

Обновленный сад в этом колхозе теперь разросся, обильно плодоносит, а между участками подрастают ровные ряды густых светлоселезных молодых яблочек и груш.

Мне этот случай вспоминается потому, что каждое молодое имя в цветущем саду нашей многонациональной литературы в конце концов является тем новым восходом, который до первого своего цветения требует кропотливой работы заботливого садовника.

Казахская литература, так же как и вся наша советская литература, постоянно пополняется талантливейшей молодежью. Только за последние пять — шесть лет вышли из печати романы А. Нурпеисова «Желанный день», С. Шаймердинова «Дорога в грядущее», повести и рассказы Б. Сокинябаева, стихи и поэмы Х. Ергалиева, Ж. Молдагалиева, С. Мауленова. Плодотворно работает молодой драматург М. Иманжанов. Его пьесы «Молодая жизнь» и «Моя любовь» поставлены республиканскими театрами. С серьезными критическими и литературоведческими трудами выступают молодые критики Т. Ахтанов и Т. Алимкулов.

В росте и формировании молодых литературных явлений участие принимают наши ведущие писатели М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусуренов, Г. Мустафин. Они большую помощь оказали молодым романистам А. Нурпеисову, С. Шаймердинову и другим.

Немалую роль в воспитании молодых сыграли наши творческие комиссии. Но проведенный Третий съезд писателей Казахстана вполне обоснованно признал работу с молодыми писателями далеко не достаточной. Дело в том, что наши писательские организации еще плохо связаны с производством, колхозами, учебными заведениями, откуда в основном и идет пополнение писательских кадров. Литературные объединения и литературные кружки еще очень мало, а где они имеются, работа проводится от случая к случаю. Зачастую руководят этими объединениями и кружками мало подготовленные люди. Мне пришлось несколько раз присутствовать на занятиях литературного кружка Казахского университета. Литературные вечера здесь проходили инвентарно, так как не были подготовлены. Выступления молодых авторов заканчивались чтением очень слабых стихов. На занятиях серьезно не обсуждались насущные вопросы литературного мастерства, которые так волнуют писательскую молодежь.

У нас не практикуется такой важный метод работы с молодыми, как краткосрочные семинары по различным жанрам литературы, где подвергались бы анализу произведения отдельных авторов и они получали бы деловые советы, нужную поддержку. С другой стороны, это дало бы писательской организации возможность следить за ростом молодых.

Каждый новый автор, пришедший в литературу, безусловно, имеет отношение к другим. Задача писательской организации, редакций наших журналов и издателей — помочь молодому автору развить то индивидуальное, своеобразное и новое, что заложено в его твор-

А. РАСКИН



А. СУРКОВУ

Руководителя Союза  
Мы все привыкли почитать,  
Но, уважая сто нагузков,  
Хотели бы и почитать.

Литературные эпиграммы



К. СИМОНОВУ

Его тома — одна из тех мозаик,  
Где автор в жанрах путается сам.  
Так надо ли дивиться чудесам,  
Что иногда в стихах звучит прозаик?



К. ФЕДИНУ

Хочу сказать, не знаю, будет кстати ль  
(Тут нужен уважительный подход):  
От «Первых радостей» опоминися  
читатель,  
И новых радостей он терпеливо  
ждет.



А. БЕЗЫМЕНКОМУ

Ему б стихи да эпиграммы  
Писать уваженной рукой,  
А он, мятежный, пишет драмы,  
Как будто в драмах есть покой.

Рисунки Н. Лисогороного.

честве. В этом деле особо важную роль играет редакторская работа. Случается так: молодой писатель приносит в редакцию журнала или в издательство новое произведение. Как правило, издательство дает на него рецензию. Иной раз рукопись попадает в руки человека, литературные знания которого исчисляются трех — четы-

рехголичным пребыванием в «соколозидательских кругах» в качестве вешетатного рецензента. Этот «аналог» исходит в произведении молодого автора массу несоответствий с существующими в его рецензента, понимании литературными канонами и требует от автора или от того, кто редактирует рукопись, «литерату-

рпты» произведений. И тогда исчезает то новое, своеобразное, что имелось в произведении автора как драгоценная частица самой жизни.

Произведение, довольно-таки «доброе» — ошачанное, выпускается без крыльев и перьев в свет.

Молодым не нужна такая «помощь». Она даже вредна.

В работе с молодыми литераторами, пожалуй, самое важное место занимает идеологическое воспитание, формирование их мировоззрения, взгляда на жизнь, их общественной и классовой позиции. Но именно эта идеологическая работа остается пока самым слабым местом в деятельности писательской организации нашей республики. Иначе чем же объяснить такое явление, когда молодые литераторы, опубликовав верные свои труды, считают почти обязательным проводить время в ресторанах? Они почти убеждены, что дорога на Парнас, лежит через ресторан. А на самом деле эта дорога ведет в настоящее болото. Так, к сожалению, начали свой путь некоторые молодые литераторы.

Слабо поставлено теоретическое, художественно-эстетическое воспитание молодых литераторов. Организованный в 1953 году Вечерний университет работников искусства и литературы просуществовал всего около пяти месяцев. Несколько слов об эстетической заботе и строгой требовательности к творчеству молодых со стороны опытных мастеров слова.

На съезде писателей Казахстана М. Шолохов по этому поводу говорил: «Мне рассказывали, как беркут воспитывает своих птенцов, когда они начинают летать. Подняв их на крыле, он не дает им опуститься вниз, а заставляет набирать высоту и гоняет их там до полного изнеможения, заставляя подниматься все выше и выше. Только при таком способе воспитания повзрослевший беркут научится парить в полнебесах... Своих молодых писателей мы должны учить таким же способом, должны заставлять их подниматься все выше и выше, чтобы впоследствии они были в литературе настоящими беркутами, а не мокрыми воронами, не домашними курами...»

Мы желаем, чтобы нас воспитывали именно так. Мы желаем, чтобы наши старшие товарищи не оставили равнодушными к нам, чтобы они радовались нашим успехам, а при наших неудачах сжимались бы их сердца.

Это и есть залог творческой и честной работы нашей передовой советской литературы.

Шамаль БАЙРАКОВ

г. Алма-Ата.

## НЕ ОТРЫВАТЬСЯ ОТ ЖИЗНИ

За последние годы в Латвию выдвинулось немало способных поэтов. Среди них Янис Силварс, Ояр Валдетис, Визма Белшеви, Арид Скалбе, Олга Лисовская и другие.

В становлении и росте молодых авторов есть одна характерная черта: лучшие произведения создают те из них, кто активно участвует в общественной и производственной жизни. Больших успехов, например, добился белорусский поэт завода «Саржанск металурги» Янис Силварс. В то же время топчется на месте одаренный молодой поэт А. Крукус. Он нигде не работает, не участвует в общественной жизни, не учится. Крупус интересам значительно сузил, ограничился рамками одних поэтических занятий. Из-под его пера за последнее время не вышло ни одного значительного произведения.

Преждевременный профессионализм приводит также к тому, что молодые авторы в погоне за гонораром начинают много и спешно писать. От этого страдают их художественное мастерство.

Правление Союза писателей должно больше контролировать деятельность комиссии по работе с молодыми авторами, следить за тем, чтобы комиссия занималась не только творческим воспитанием, но и политической, идейной подготовкой молодых авторов.

А. БАЛОДИС,  
редактор журнала «Народс»  
делегат Второго всесоюзного  
съезда советских писателей.

г. Рига.

А. РАСКИН



Э. КАЗАКЕВИЧУ

На творческом пути его есть кочки,  
Но это не грозит ему бедой.  
Он, может быть, родился не в сорочке,  
Но явно под счастливою «Звездой».

Литературные эпиграммы



С. АНТОНОВУ

Нам после Чехова каких еще Антонов?  
Но всем придется по душе Антонов.

Рисунки Н. Лисогорского.

## ВНИМАНИЕ ЛИТКРУЖКОВЦАМ!

Однажды, когда занятие литературного кружка «Вальцовка» уже началось, в комнату робко вошел голубоглазый паренек в телогрейке. Он сел на стул, стоявший в углу, и стал внимательно прислушиваться к выступле-

нию моторного цеха Р. Сарсевича, рабочего автобусного цеха А. Колотиевского и других. Член литературного объединения железнодорожников Н. Коенен соиздал неслию о молодых борцах за мир, которая исполнялась на IV Всесоюзном фестивале молодежи в Бухаресте.

Кто же руководит этими объединениями, группировками вокруг редакций заводских газет? Кто направляет их полезную, плодотворную деятельность? Известно, как помогают художественной самодеятельности виднейшие деятели советского искусства. Сколько раз, например, в клубе завода «Серп и молот» мы встречали видных актеров МХАТ имени Горького, Маяковского театра! Они часто присутствуют на генеральных репетициях и просмотрах постановок театрального рабочего коллектива.

В лучших залах столицы, во дворцах культуры и клубов устраиваются выставки картин рабочих-художников. Прославленные мастера кисти принимают активное участие в обсуждении работ молодых художников, проводят с ними беседы, делают творческим советом, любовно следят за ростом своих питомцев.

И как печально сознавать, что литературные объединения лишены такого внимания! Правление Союза советских писателей мало интересуется жизнью этих коллективов. Почему бы в Союзе писателей не устраивать, хотя бы раз в год, творческие отчеты отдельных участников литературных объединений? Можно было бы привлечь литкружковцев и к работе в творческих секциях. Можно было бы организовать ряд выставлений крупных писателей на слете участников литобъединений.

Хотелось надеяться, что на съезде писателей будет серьезно поставлен вопрос о работе с творческой молодежью, объединенной литературными кружками.

А. ФИЛАТОВ,  
руководитель литературного  
объединения «Вальцовка».



# КРИТИКУЙТЕ, НЕ ЖАЛЕЯ, НО И УЧИТЕ!

А. РАСКИН

Литературные эпиграммы

Рисунки Н. Лисогорского.

Латвийские газеты и журналы еще очень редко печатают произведения молодых авторов, не отклоняясь на опубликованные. Редакции, за исключением журнала «Беринба», не группируют вокруг себя литературную молодежь, не работают с ней.

Причина такого ненормального положения, на мой взгляд, кроется в равнодушии отдельных редакций и писательского актива к воспитанию молодых литераторов.

Нередко помощь молодым со стороны старших товарищей приобретает неправильные формы. Приходит, например, молодой автор в редакцию с рукописью и заявляет: «Писатель Н. прочитал ее и говорит, что надо печатать...» К сожалению, такие почти анекдотические случаи в нашей практике нередки. А ведь молодым авторам нужна помощь совсем иного рода. Начинающие писатели нуждаются во внимательном, чутком отношении к их творческим замыслам, в совете по вопросам мастерства и еще во многом, многом другом.

Вспоминается такой случай. В сборе вышедших за год прозаических произведений критик двумя словами упоминал о рассказе одного молодого автора, отметив, что, судя по всему, писатель не знает жизни. Эти слова молодой

автор воспринял как пощечину: ему ли, долгое время работавшему на заводе, о людях которого он писал, не знать жизни?

И все же критик был прав. Молодой писатель писал это только через несколько лет, когда стал опытным и сам нашел в своем рассказе множество несовершенных мест. К этому заключению он мог прийти значительно раньше, если бы старшие товарищи во-время разъяснили молодому писателю его ошибки.

Вот и хочется сказать критику, который берется за разбор произведений молодых авторов: «Критикуйте, не жалея, но и учитесь!»

В нашей республике есть писатели, которые с большой любовью и терпением учат начинающих. Но один молодой прозаик благодарен Аине Саксе за совет, за ободряющее дружеское слово. Много занимались с молодыми Янис Ниедре, Янис Грант. Можно назвать еще два-три имени. Но разве в Латвии так мало опытных писателей? К сожалению, невозможно, встретив в журнале или на обложке книги новое имя, могут сказать: «Это мой ученик...»

Э. ВИЛКС,  
делегат Второго всесоюзного съезда советских писателей.

г. Рига.



И. АНДРОНИКОВУ

Талант в нем странный обитает:  
Писатель знаменитый сей  
Давно стране известен всей  
Не тем, что пишет он, а тем, что он читает.

## САМОВЛЮБЛЕННЫЕ ПОЭТЫ

Председатель оловинского литобъединения Евгений Константинович Горбов встретил молодого поэта Игоря Иванова радужно:

— Здравствуйте, Игорь Анатольевич! Как дела?

Но Игорю было не до разговоров: не терпелось узнать, что с поэмой. И, словно отгадав мысли поэта, Горбов сказал:

— Мы с товарищами прочитали и обсудили вашу книгу. Говорю прямо: она вам не удалась, Подумайте сами. Все у вас изложено сухо, декларативно и неконкретно.

Игорь Иванов понял из разговора только одно: в готовящемся литературно-художествен-

ном сборнике поэма напечатана не будет. А как он был уверен в успехе!

Не согласившись с замечаниями, поэт ушел. Он считал, что в Орле недооценили его поэму, что она обязательно должна быть напечатана. И вот поэма посылается в редакцию альманаха «Молодая гвардия». Но и из Москвы пришел ответ в том же духе: «Поэма автору не удалась».

На межобластной конференции писателей средней полосы РСФСР, состоявшейся минушим летом в Воронеже, Игорь Иванов еще раз услышал такую же оценку своей поэмы.

Казалось, теперь молодой поэт утратит критические замечания и серьезно примется за работу. Но не тут-то было! Возмущенный себя мастером слова, Игорь Иванов заявил, что пошлет поэму в ЦК ВЛКСМ и во что бы то ни стало добьется своего: она будет напечатана!

Безразличное самонадеянное, нетерпимое отношение к критике, самовлюбленное присущи не только Иванову. Этим страдают многие начинающие авторы.

Орловский поэт-басеник Роман Коган, например, кроме положительных отзывов, другого о своих стихах слышать не желает. Вместо кропотливой, творческой работы над своим произведением он по несколько раз посылает одну и ту же рукопись в редакцию, откуда уже получал критическую рецензию. Так, например, он дважды посылал в журнал «Крокодил» одну басню, не изменив в ней ни одного слова.

Петр Шалимов опубликовал в местной печати стихотворение «Орловщина моя». Критика справедливо отметила недостаток этого стихотворения, указывая, что в нем нет настоящей поэзии. Однако поэт не сделал для себя никакого вывода из критики. Он продолжает штамповать стихи вроде таких:

И шапку поодаль с хохотом  
Два козылки голубыми,  
А в нами дружно с родителем  
Парни в майках расписных.

На Орловщине есть способные авторы, которые могут и хотят работать. Это показал выпущенный в Орле сборник «Родимый край», где напечатаны стихи девятнадцати молодых поэтов. Такие стихотворения, как «Орел строится» и «Смугл» А. Маняева, «Мир — марш В. Зеленчукова, «На Красной площади» В. Гостева, и многие другие подкупают своей глубиной, искренностью. В них чувствуется волнение, порыв.



Вл. МАССУ и Мих. ЧЕРВИНСКОМУ

Произведений масса  
Червинского и Массы,  
Да нет на них Беллинского —  
На Массы и Червинского.

## Литературные эпиграммы



В. БАХОВУ и Я. КОСТЮКОВСКОМУ

Молодежь... Ни званый, ни регалии...  
Смех свободно льется из груди.  
Их еще ни разу не ругали,  
Все, как говорится, впереди.

Поэты Орловщины все чаще обращаются к жизни родного края, темой их стихов становится дела, чувства и переживания передовых советских людей. Растет литературное мастерство молодых авторов. На этом фоне особенно неприглядно выглядит те, кто не серьезно, небрежительно относится к своему творчеству.

г. Орел. Дм. БЛЫНСКИЙ

# В ДОЛГУ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЕМ

Каждая встреча писателя с читателями — это своеобразный творческий отчет. Читатели не только разберут уже написанные произведения, они скажут и о том, какие новые вещи им хотелось бы прочитать. Писатель поделится с читателями своими творческими планами, ответит на вопросы.

Недавно мне привелось побывать в Челябинске. Там я встретился с молодыми читателями. Встреча проходила в помещении Челябинского строительного техникума. В зале сидели студенты, ученики старших классов средних школ, воспитанники ремесленных училищ.

Мне всегда кажется самой интересной заключительная часть таких встреч, когда возникает задуманная беседа о литературе, о любимых книгах, о справедливых претензиях читателей к писателям. Многое интересовало и моих юных уральских друзей. Они спрашивали, над чем работает сейчас писатели, какие книги выйдут в ближайшее время, будут ли среди них книги о молодежи, о дружбе, о любви, о воспитании характера, о жизни комсомольских организаций.

Читая записки, дошедшие на стол все более высокой стожкой, я видел, какой интерес проявляет молодежь к нашей литературе, какие высокие требования она предъявляет к ней. И это понятно. Ведь хорошая книга —

первый советчик молодого человека, вступающего в жизнь.

Юноши и девушки ждут книг о героических делах советских людей, ждут книг о тех, кто оспаривает целинные земли, о тех, кто работает у станков, кто строит новые здания, учится, охраняет наш покой. Они хотят встретиться в этих книгах таких героев, которых можно было бы полюбить на всю жизнь.

Где-то в зале, я невольно думал: сколько здесь юношей и девушек, достойных того, чтобы стать героями будущих литературных произведений! Наша действительность дает писателям огромное количество тем. Мы живем среди героев наших будущих книг, повсюду видим их чудесные дела. Но, к сожалению, мы не всегда умеем увлекательно о них писать. Мы еще в большом долгу перед своими читателями.

В одной безмятежной записке мне задали такой вопрос: «Сколько книг вы написали? Над чем сейчас работаете?» Пришлось честно признаться, что мало еще книг я написал. Я рассказал, что в настоящее время работаю над повестью. Замыслил ее для меня еще давно. Продуман сюжет, собран необходимый материал. Главным героем будет молодой журналист. Мною выбрана эта профессия потому, что журналист имеет возможность общаться со многими людьми. Возможность расска-

жет о простых советских людях, об их делах, чувствах, мыслях, об их борьбе с пережитками прошлого, с носителями этих пережитков.

Но когда я говорил о своей новой повести, мне пришлось отметить, что пишется она гораздо медленнее, чем хотелось бы. Не написаны мною также и многие давно задуманные рассказы... На встречах с читателями нередко приходится, вместо того чтобы прочитать главу из новой книги или рассказ, говорить лишь о своих планах и замыслах.

Один знакомый писатель сказал мне как-то с досадой:

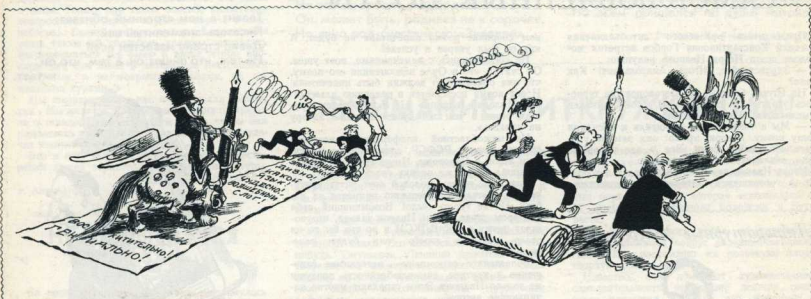
Мы больше говорим, чем пишем. Из писателей мы превратились в много говорящих людей.

И действительно, можно ли представить себе рабочего на заводе, который бы не работал сам, а только уговаривал хорошо работать других? А вот у писателя, оказывается, подчас такое возможно.

Собрания, заседания, дискуссии, так часто проводимые в писательских организациях, не всегда приносят пользу делу. Некоторые наши соросоренные товарищи забывают, что активность писателя вымывается прежде всего за его письменным столом.

В этом, во-моему, одна из причин того, почему не написаны еще многие книги, которых ждут от нас читатели.

Павел ШЕБУНИН



Рисунки Е. Ведерникова.

## ДО И ПОСЛЕ

Фельетон

Когда писатель был в чести и в моде,  
Он слышал возгласы в таком примерно роде:  
«Выскажитесь к себе... Неимоверно стог...  
Какой волшебный слог!  
Какие симфонически главы!  
Вот кто достоин почестей и славы!»  
Под пишущих машинок треск  
Литкритики с восторгом диктовали:  
«Шедевр! Находки! Чудо! Блеск...  
Нет, равные ему опыту едва ли!»  
И тогда критикон с достоинством внимал  
Литературный генерал.  
Хотя он занимал высокий пост,  
Но этого, как видно, было мало  
Для знитного литератора,  
И вкляс он — не будь, как говорится, прост —  
За редактуру толстого журнала...  
«В нем, каждой главы обун,  
Он напечатал новый свой роман —  
«Дон-батышка»... Так сколько ж было звуку!

Кадрили критики классическому «Дону»  
Со всех сторон.  
Из каждого угла звонили: «Дон»-«Дон»-«Дон»...  
Когда ж литгенерал «оскратился»,  
Литкритики писать пустились в новом стиле.  
Развелись кадриальный дым,  
Классический роман внезапно стал пахким:  
«Идейный горизонт романа крайне узкий!  
Язык определенно псевдорусский!  
Конструкция бедна. Завязка трафаретна.  
Развязка спомкмана. Идея беспредметна.  
Нет ни одной, увы,  
По-человечески написанной главы!»  
Чтоб о писателе мы не судили вперед,  
Как о саовнике нль знитном генерале,  
Нам на писателя жалко ли  
Как на писателя смотреть?

Михаил ПУСТЫНИН



Фото Н. Хорунжего.



На огромной территории раскинулись корпуса Закавказского металлургического завода имени И. В. Сталина в Рустави. Это крупное предприятие тяжелой промышленности, вступившее в строй в первые годы послевоенной пятилетки, пользуется всеобщей известностью. Изделия с маркой «ЗМЗ» отличаются высоким качеством. Они находят широкое применение в народном хозяйстве.

Завод оснащен самым современным оборудованием отечественного производства. На верхнем снимке вы видите прокатные станы. В этом просторном, светлом цехе очень мало рабочих. Здесь все делают машины, а люди, в совершенстве овладевшие сложной техникой, только управляют ими. Коллектив настойчиво борется за отличное качество продукции. На нижнем снимке — стеллажи готовых изделий в цехе цельнометаллических труб. Все трубы обрабатывали вручную.

Не лишена интереса следующая подробность из истории молодого завода. Еще задолго до пуска его в эксплуатацию из разных городов Грузии начали поступать многочисленные заявления от комсомольцев с просьбой принять их на завод. Молодые патриоты были направлены для обучения на металлургические предприятия в Донбасс, Сталинград, Магнитогорск, Тагирок. Все они успешно овладели сложными профессиями и теперь являются передовыми производителями.



Игорь Витсков принимает за новую деталь. Как хорошо, когда станок начинает тебе слушаться!.. (См. очерк «Паровоз»).

# ПЕРЕЛОМ

Игорь тихо притворил дверь и, стараясь не шуметь, прошел в комнату. Сестры не было дома. Мать готовила на кухне обед. Тяжело опустившись на стул, Игорь облокотился на подоконник, подпер голову кулаком, задумался.

С улицы доносился шум машин, во дворе кричали мальчишки, игравшие в футбол. Но все это как-то пролетало мимо ушей. Послышался шаг, в комнату вошла мать. Игорь смеялся, точно хотел стать незаметным. Он не боялся предстоящего разговора, не трусил, но было жаль маму. Вот сейчас она подойдет, положит руку на плечо и спросит: «Ну, как? Кажется, легче передать вновь все шесть экзаменов, чем ответить на этот вопрос... Сейчас начнутся уроки, воздуха, быть может, даже слезы...»

Игорь чувствовал, что мать смотрит на него. «Ну, спрашивай, спрашивай скорей!» — мысленно торопил он, потому что молчать было еще тяжелее. Но мать ничего не сказала: взглянув на сумрачное лицо сына, она пошла все без слов.

В буфете звякнули чашки, мать взяла чашку и ушла.

Игорю вспомнились события двух последних месяцев. Вот в первую у него аттестат зрелости. Зрелость! Слово-то какое значительное, обязывающее... Кончилась школьная пора. Игорь Ватсков становился взрослым, начиналась новая жизнь. Какой-то она будет!.. Игорь решил поступить в Московский институт химического машиностроения... И вот сегодня игор. На всю жизнь останутся в памяти ровные столбики нужных фамилий на листке, вывешенном в коридоре института: «Зачислил студентами с 1 сентября 1954 года следующие...»

Еще на что-то надеясь, аvara в какое-то чудо, Игорь протолкался сквозь толпу к списку, торопливо начал читать. Вот оканчивших фамилии на «В», а себя он в списке не увидел. Может быть, пропустил и в конце всталки!.. Он внимательно просмотрел список до слова «Вперед, секретари...», потом снова перечитал все от начала до конца, но его фамилии нигде не было. Сходить к директору? Но зачем себя обманывать? Разве не ясно было еще вчера! Надо набрать 26 очков из 30. А у него! Даже говорить стыдно! Он так и не признался дома, сколько набрал, только вздохнул тяжело:

— Милое... Очень милое... И сейчас сидю у окна, Игорь задвывая себе вопросы и сам отвечал на них: «Что произошло? Случайность? Несправедливость? Нет, закономерность... Как упустил! После пятерок иной раз двойки получал. Как вел себя? Одних выговоров школь... Почему не попал в институт? Нечего выдумывать, нечего уподоблять себя враньям! Из-за лени. Беспорядочности»

— Обедать будешь?

Игорь вздрогнул, обнулнулся. Мать поставила на стол тарелку с хлебом, посмотрела в глаза, но промолчала.

— Что же теперь делать? — не выдержал сын.

— Об этом надо было раньше думать...

— А теперь что, поздно?

— И теперь не поздно. Тебе жить, ты и решаешь!..

\*\*\*

За две недели Игорь словно повзрослел на несколько лет. Исчезла преграда беззаботности, с которой он шагал по жизни. Раньше как-то привычно было думать: вот окончат он десять классов, а потом еще пять лет — и из него выйдет инженер. В действительности же все гораздо сложнее и вместе с тем гораздо проще. Оказываться, кончить средней школы вовсе не подвиг!.. Делать первые шаги в жизни без помощи мамы и папы, оказывается, куда труднее, чем писать сочинения и решать уравнения.

Среднее образование... А что, в сущности, он умеет? Что может? Как и чем жить дальше?

— Однажды, возвратившись домой после прогулки, Игорь подошел к отцу:

— Папа! Ребята говорят, в Боткинском проезде открылось техническое училище специально для выпускников средних школ.

— А кого там готовят? — Токарей-универсалов, чертежников-конструкторов, Забил, кого еще. Тут у меня записано... Вот. Фрезеровщиков-универсалов, слесарей-сборщиков, электромонтажников, нормальщиков, слесарей-инструментальщиков...

— Я бы советовал учиться на токаря, — сказал отец. — И специальность хорошая и вообще...



Людмила Ходина, окончившая десятилетку, поступила в техническое училище. Она хочет в совершенстве изучить тонкое дело, стать специалистом. Фото Н. Маслова.

повариться в рабочем котле, все прежняя дрянь из тебя выпарится...

\*\*\*

И вот первый рабочий день в жизни Игоря. С опаской входит он в мастерскую: признаться, немножко он ждет от этого занятия, не очень-то лежит к нему душа. Если ты окончил десять классов и метал сталь инженером, а вместо этого руки твои, привыкшие к «вечному» перу, с трудом постигают премудрость владения напильником, то несколько иной раз и взгрустнется.

В просторной комнате с большими окнами тесно от станков. За станками коюшки и дюзушки. Кто они? Откуда! Никто не обращает внимания на пришедшего. Все заняты делом. Игорь видит склонившихся фигуры в рабочих халатах, порозоветшие от напряжения лица, сосредоточенные взгляды... Слышно, как шуршат на шкивах приводные ремни, мерно поют электромоторы.

Игорь нерешительно подходит к мастеру производственного обучения:

— Виктор Федорович Яковлев — это вы? Я к вам направлен. Мастер сидит, облокотившись на край стола, поставленного на возвышении, словно кафедра. Игорь осмотрел его недоверчиво и даже разочарованно. В его представлении мастер — это старичок, любящий изрывать истины, подергивающий усы и поглаживающий на всех поперек очков. А этот... совсем еще молодой, в скромном костюме, такой же подвижный, как сам Игорь.

«Любопытно, как он будет меня воспитывать!» — подумал Игорь, нехотя выслушав объяснения мастера. — Простые вещи так долго растолковывает, все давно понятно. Он прочитал в книжке то, что без него здесь уже прошли. Хотелось скорее попробовать поработать самому, вот так, как тот парень, что у стени...»

«Нехитрая деталь почти готова. Игорь смахивает со лба каплями пота, склоняется еще ниже. Чутью мало резца вонзается в тело детали. Но вот до сада — зазор! деталь. Игорь закусывает губу: поторопился Курганов, много очарований, но энергичное лицо его хмурится.»

Виктор Федорович ходит между станками, придирчиво проверяет детали, объясняет ошибки, хвалит, критикует.

«Нет, не стану его звать!» — решает Игорь. — Сам обойдусь! — И вставляет в патрон Другую заготовку.

«Обработка ее распрямляется, подносит штангенциркуль к самому носу. Еще одну зазор! размеры не выдержал... Неужели он, человек со средним образованием, не в состоянии одолеть эту простую деталь!»

— Станки плохо, — вздыхает кто-то рядом.

— При чем здесь станки! — сердится Игорь. Ему становится обидно, так обидно, что он даже не чувствует, как прицелил па-



Виктор Федорович ходит между станками, придирчиво проверяет детали, кого похвалит, а кого и поинтернует.



Знания, полученные в школе, помогают Анне Лагутиной овладеть итересной профессией чертёжника-конструктора.

лец, когда вставлял третью заготовку. Вместе с тем задорное желание во что бы то ни стало добиться своего увлекает его. И снова неудача. Нет, это уж сверх меры!

— Виктор Федорович! — не выдерживает Игорь.

Как-то неловко работать, когда с спиной стоит мастер. Но станок будто стал послушнее, и руки начинают уверенно чувствовать непокорный металл. Оказывается, не такой уж простое дело — придавать детали нужные формы.

— Уф! — отдувается Игорь, когда мастер принимает готовую деталь. — Ну как, а?

— Для начала пойдет. Только вот тут поровнее надо. Согласен! — Разрешите, еще одну сделайте! — Игорь виновато улыбается и думает: «Что же мастер сам не подождал!»

— А я все за тобой наблюдал... как бы позавел его мысли, говорит Виктор Федорович и тоже улыбается. — Дай, думаю, по-

смотри, на сколько заготовок у него гордости хватит. Три штуки — ничего, подождаю «упорство».

Игорю хочется еще поговорить с мастером.

— А это кто так? — спрашивает он.

В углу, у станка, два пареня в куртках ремесленников наперебой что-то объясняют художавому взрослому юноше. Он смотрит на них сверху вниз, но слушает вынимательно.

— Это мои «старички», — тепло, будто вспоминая что-то хорошее, говорит Виктор Федорович. — Давно уже на заводе, а вот пришли перед самой моей известностью: соскучились...

И сразу для Игоря вдруг открывается большой, нелегкий, кропотливый труд воспитателя молодых рабочих. Немало энергии и таланта, нервов и сердца, неверно, отдал мастер Жювева этим парням, чтобы иметь право сказать о них все вместе-иногда «соскучились».

«А он хороший человек», — как бы задрала самому себе решет Игорь и торопливо принимается за новую деталь. Ему хочется уже не только доказать мастеру, что и он, Игорь Вятский, тоже что-то может делать, но он чувствует, что ему просто по-настоящему интересно работать. Это здорово, когда металл вдруг начинает тебя слушаться! Конечно, пока Игорь сделал пустяковую деталь — хвостик ножовочного полотна, — но и она пойдет в дело, и она нужна людям. Это пока только первый шаг в новой жизни. А там, дальше... Что будет дальше!.

Одни за другим бегут дни, некогда оглянуться. Сегодня — практика, завтра — теория, а послезавтра — опять практика.

Уверено, как домой, уходит Игорь в свою мастерскую.

Всех Игоря уже знает: одних он уважает, другие просто нравятся, к третьим он относится с прохладцей.

— Привет! Задоров! — встречают его новые товарищи. Они рады ему, и он рад видеть их.

Из параллельной группы пришли ребята — придраются, что ставки паяло смазаны, спорят, советуется. Парень в коричневом пиджаке, смуглый — Юра Кураскин. После десятилетки работал два месяца учеником на заводе «Борух». Теперь перешел сюда. Хочет стать инженером.

— Здесь, — говорит, — лучше учат. Год поработало, жизнь от самых корней узнаю...

Игоря, признаться, немного завидует Кураскину: уж очень он станком ласко управляет!

— А, Саша Меклалион! — На серьезном лице Игоря появляются задорная улыбка школьного заводчика. — Как у вас дела с институтом?

К нему подходит девушка со светлыми косичками, завязанными ниже затылка. Она говорит бойко, торопливо, точно спорит:

— Продавать три года отработал после училища, а потом можешь идти, куда хочешь. А я решила не уходить из токарки. Буду учиться на вечернем.

— Я тоже не жалую, что сюда поступил! — отвечает Игорь.

— Слыхал! — спрашивает Игоря стоящая у соседнего станка Наташа Швергунова и кивает на подругу. — Соревнование организовала. Давайте, говорите, посмотрим, кто лучше будет ухаживать за станком! Без годика неделя на производстве, а уже почти полжизни. Не будет от нас покоя заводскому начальству! С первого

класса вместе с Сашей уусу, а узнала же как следует только теперь...

«Некоторые и себя только здесь узнали как следует, — улыбается, думает Игорь. — Хороший народ собрался! Как это быстро я ко всем привык, будто давным-давно дружил!»

— Перерыв десять минут! — выключает станки мастер.

— Не надо! Не надо! — несутся со всех сторон возгласы.

Вместе с Игорем кричат и Володя Гайриков, и Виктор Кузьмин, и Борис Борщевский.

— Ребята они трудолюбивые. А труд и печали вымечивает, и увлекает, и радует человека.

«Это не обо мне ли?» — прислушивается Игорь. Он оглядывается: у стены стоит Виктор Федорович и беседует с кем-то из знакомых, Можей, это журналист, а может быть, кто из родителей сына, интересуются.

— Это хорошо придумать, — продолжает мастер. — Большое дело — такие училища, как наше!

— А как в будущем! Какое у ваших учеников перспективы?

— Из этих, — говорит Виктор Федорович, кивнув в сторону Игоря, — если, конечно, настойчивости хватит, выйдут хорошие специалисты. И не хуже, чем из тех, кто в институты поступил. Кто кого опередит? — это еще неизвестно: жизнь вперед! Больше!

«Хватит настойчивости... Конечно, хватит!» — думает Игорь.

— А как условия?

— Ну! Условия им здесь созданы, что говорить? — улыбается. Прокрасная библиотека, спортивные секции, как полагаются: бокс, волейбол, коньки, лыжи, акробатика. А самое главное — учатся люди с средним образованием. Дайте срок — квалификация придет на производство!

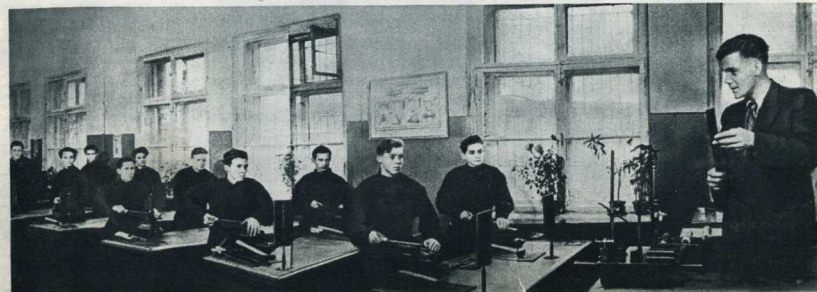
Прозвенел последний звонок. Шумной гурьбой выходит ребята из мастерской технического училища.

Идет по Москве будущий токар-универсал Игорь Вятский. Вот сейчас он придет домой, вымоет руки, сядет за стол.

«Устал!» — спросит мать. «Ох, и устал!» — «Проголодался!» — улыбнется она, пододвигая тарелку.

День Игорю кажется ярким и веселым — он не напрасно прожил. А вперед еще целая жизнь, полная надежд и по-новому значительная.

Простой инструмент — напильник, но без умения на многое ни сделаешь. Мастер производственного обучения К. А. Володин показывает будущим слесарям-инструментальщикам приемы сплавления металла.





Сергей ЛЬВОВ

## РИСУНОК КАРАНДАШОМ

Рисунки А. Лурье.

Рассказ

Было это ранней осенью во время войны. Я стоял в очереди к воинской кассе речного вокзала. Когда появился пароход, никто не знал. Мы хохотли по узкому балкону, опоясывающему дебаркадер пристани, и молча докуривали последнюю махорку. Широкая река с потугами башенная казалась пустынной. Неожиданно где-то раздался гул. Мы бросились к кассе; там уже выстраивалась очередь.

— Внимание, товарищи офицеры! — объявил командант, напрягая сорванный голос. — Разместитесь придется на барке.

Очередь загудела.

— Тихо! — поднял руку командант. — На пароходе дети и раненые из гражданского населения... Больше вопросов нет?

— В трюм баржи, которую буксировал пароход, села крутая лестница. Мы спускались, пригибая головы и нащупывая ногой ступеньки. Визгу была крошечная тьма.

Свет карманного фонарика выхватил из темноты ряд двухэтажных нар, стел, сколоченный из досок, бачок для воды с кружкой на цепочке, обшох по кругу весь трюм, скользя по краю какого-то плаката и снова вернувшись к нарам.

Можно было наконец лечь, подложив под голову вешевой мешок, подставив одну ногу пинцел и накрывшись другой. Но мне не спалось. Я слышал, как шлепают по воде пилы паровозных колес, как рядом кто-то вдыхает и выдыхает, и не мог уснуть. Похоже было, что вновь возвращалась бессонница, измучившая меня в госпитале... Подняться наверх? Сноп света опять закружил по трюму, отскакивая вперед, и снова высветил плакат на стене. На этот раз неакком.

Сколько лет прошло с той ночи, но плакат,

который я увидел тогда в круге света, помимо до сих пор: взрытое поле, вздыбленная земля; небо в тяжелых тучах; по этому полю, под этим небом идет девушка в шинели; она без шапки, ветер развеивает ее волосы, отбрасывает назад подол шинели, а она идет вперед, идет упримо. Всего удивительнее было то, что и зная и девушку, нарисованную на плакате, и того, кто ее нарисовал.

Но как рисунок карандашом моего товарища Александра Токарева, изображающий студентку нашего института Лиду Кондратьеву, превратился в плакат?

Я вышел на палубу, сел на скамейку около домика команды. За спиной была бревенчатая стена и в ней темное окно с задернутой занавеской. Где-то на корме спороны задухла курица, и мне почудилось, словно вышла я ночью в незнакомой деревне послать перед домом, только деревня сорвалась с места и плывет по темной реке.

И увидя пароход медленно и трудно тащил баржу вверх по течению, я вспомнил, как мы впервые уехали рисунком, ставший теперь плакатом.

.....

...До войны мы занимались в художественной студии нашего студенческого клуба. Точнее, это был обыкновенный кружок любителей, но нам приятно было считать кружок студией, а себя — студийцами.

Работал с нами Дмитриевский — художник безвестный, пожалуй, даже неудачник, но преданный искусству до самозабвения. На этюдах он кричал на нас, что природу мы видим, как дачники, отнимал у кого-нибудь кисть, тыкал ею в холст, показывая, как надо. В Третья-

ковке, когда объяснял любимую картину, его руки так и летали около холста, будто он писал его заново.

Хотел Дмитриевский прочитать нам систематический курс истории живописи, но не смог: помешали симпатии и антипатии, распроданные у него в куче, как снит и тень. О давно умерших и давно признанных мастерах он говорил с такой нежностью или такой завистливостью, словно те впервые представили свои работы на его суд.

Однажды Дмитриевский уделил нас неожиданным заданием. Каждый должен был написать или нарисовать на волюму всего все, что угодно, — пейзаж, портрет, жанр — и в какой угодно технике: маслом, карандашом, акварелью, чертом, дыяволом... Эти работы мы должны были выставить в клубе, и нужно все это для того, чтобы каждый показал, что он может, чего хочет, зачем занимается живописью.

— Школьники, — сердито сказал Дмитриевский, когда кто-то выразил осторожное сомнение, — школьники, и те пишут сочинения на волюме темы. Молодой актер на выходах репертурует дома роль Чацкого — дерзает. Техникик вы меня не удивите. Этого не жду. Но мысли свои, мысли и чувств вправе я от вас потребовать?

И вот наконец подошло время, назначенное для открытия выставки. В воскресенье утром мы начали развешивать свои работы. В спортивном зале клуба залезло непроходимым маслом и скиндромом. И только второкурник Токарев ничего не выставил, а когда его спрашивали, отнекивался, говорил, что не успел.

В два часа должны были прийти приглашенные: институтское начальство, комитет комсомола, студенты, друзья, знакомые. Обычно

Дмитревский не терпел никакой шумки, а тут и сам назвал гостей и нам повзвонил.

Дмитревский появился, как и предупредила вахману, ровно в двенадцать. На нем был черный нарядный костюм и тугая крахмальный воротничок. Он церемонно пожал каждому из нас руку и начал неторопливый обход, двигаясь так, словно перед ним открывалась авылада залов с полными мастеров... А мы? Мы шли за ним, притягивая, поразившие его настроение. Мы поустовалии надуг, какие надежды, не сбывшиеся в собственной жизни, связывает Дмитревский с нами...

Он рассматривая каждую вещь полову, молча, и было трудно понять, что ему нравится, что нет. Мы стали расспрашивать его.

— Обсуждать будем после,— ответил Дмитревский.— Я не вижу вашей работы, Токарев.

— Я не закончил,— сказала Сапа.

— Вы пришли к этому дню с пустыми руками?— выдохнул Дмитревский.— Вы огорчили меня.

— Не с пустыми. Только я не готов еще,— сказал Токарев и нерешительно протянул Дмитревскому свою папку.

Дмитревский раскрыл ее и стал вынимать листы с рисунками.

Здесь были карандашные наброски, по несколько на одном листе, торопливные, реакне... Некоторые были тронуты акварелью. Но все это я разглядел потом, а сейчас увидел другое. Рисунки, все до одного, изображали одну и ту же девушку— студентку нашего курса Лидау Коидратьеву. Вот она прислушивается, вот аудамалась, вот перегулалась через перила лестницы и жестом совет достигит ее, вот поправляет волосы перед зеркалом.

Нарисовал он ее и торжественно-сосредоточенно на концерте в консерватории. На этом листе всего заметнее была ружь Одина, историческая, как пядня, готовая взлететь,— рука Лиды— и другая, на подлокотнике, рядом,— левая рука человека, вытцащенного на концерт насильно. И, честное слово, по одной этой руже можно было узнать Юрия Попова, который был в тот вечер с Лидой на концерте, и на это соседство рук было обидно смотреть.

Дмитревский перебирает листы, а мы смотрим на них через его плечо и видим: глаз Токарев хочет передать выражение вгляд; пробует, у него не получается, пробует снова. И вот наконец поймал: лицо едва намечено, но глаза уже живут.

На рисунках Лида была такая, какой мы видели ее каждый день, и не такая. Сапа пришел в институт каких-нибудь полтора года назад, когда мы все давно уже знали Лиду и многие были втайне влюблены в нее. Но он увидел в ней что-то, заставившее его снова и снова изображать ее лицо, улыбку, глаза... Быть может, это то особенное выражение, которое мы видели и любили, но не умели о нем сказать... Как объяснить мне это? Хорошенькая? Хорошеньких у нас было много... Красивая? Не знаю! Такая, что нельзя пройти и не заметить.

— Последние Лиду в первый ряд,— шутили наши «бюджетники» перед волевыми соревнованиями с соседним институтом,— тогда ребята будут играть, как звери...

При ней действительно хотелось казаться сильнее, умнее, лучше.

Я смотрел на рисунки Токарева и чувствовал, что полюбил ее разгадывать и необычным признания в любви.

Последний лист. Тот самый рисунок, на котором она идет по полю. Дмитревский вынул его из папки, долго разглядывая, потом выдохнул, обвел Токарева глазами и спросил: не замечаю, как тот смутился, закрылся на нас:

— Что вы стоите? Это надо развесить!

— Как, все это?— удивленно и недовольно спросил наш староста.

— Что вы хотите «возвратить»?— набросился на него Дмитревский. Гвевася, он прибежал к церемонным оборотам.

— Чуть не двадцать портретов одной и той же студентки! Староста пожал плечами.— Странно, демонстрация! Не надо портретов.

— Вот именно— демонстрация! Удачно исполнили портрет! Демонстрация таланта, и такого таланта, который не сам в нами чета!— закрылся старик и сам, обламывая кнопки, начал развешивать листы.

Старик по-своему был прав. Он начинал, ради чего возился долгие годы с нашими ментами— настоящие дарования! И, конечно, не мог думать, в какое тяжелое испытание превратится этот день для Лиды.

Когда соборцы приглашенные, мы выступили слово Дмитревского, ни работы других кружковцев— ничто уж не могло отвлечь внимания от рисунков Токарева.

Девушки, перебежавшие на ступени на Александра такими глазами, будто встретили его впервые. Эти перешептывания и реплика редактора факультетской студенческой газеты: «Сенсационно!»— выражала общее настроение. Наш декад, человек сухой и официальный, усомнился, насколько педагогично предопределение, оказанное руководителем студии одному художнику и одному, как он осторожно выразился, сюжету.

Но самое трудное для Токарева было впервые. Когда закончился осмотр и обсуждение и мы уже принялись разбирать выставку, в зал вернулся редактор стенограммы. Он подошел к Токареву, хлопнул его по плечу и поощрительно сказал:

— Старик, крепись. Идет твоя муза. Ей девчачья позвонили. Да пождожите мы снимать... И давайте-ка, братья, пойдем все отсюда. Пусть прокомментирует сам.

Приодаривая какие-то глупости, вроде: «Не робей, Шурка!»— мы направились к выходу, но в самых дверях столкнулись с Лидой. Выдержки обити все выставку у нее не хватало, да и не в ее характере было хитрить. Она прошла прямо к рисункам Токарева— удивленная, разгневанная, стремительная...

— Похожа,— сказал кто-то, и мы увидели: действительно похожа, необыкновенно похожа.

А теперь представьте себе Сапу Токарева, робкого, неприметного, застенчивого. Среди нас он казался шизольником. Если бы он вошел в самую большую аудиторию института и объявил во всеуслышание: «Знайте все, что я люблю Лиду Коидратьеву!»— это было бы неосознанно не больше, чем его рисунки. И представьте себе Лиду. Ей только что позволили подруги. Перебивая друг друга, они сказали, что в клубе целая стена занята ее портретами; художник, который ведет занятия с кружком, провзнес по этому поводу длинную речь и даже сказал, что один из рисунков— тот, где Лида почему-то идет по распахнутому полю и в шинели,— да, да, в шинели!— передает героический порыв и что она навеян образом богини победы... (Тут они фыркнули в телефон, они были подругами Лиды, но смутить ее им было все-таки приятно). Пусть она немедленно приезжает: выставку скоро закроют, и она ничего не увидит, если не поспешит в клуб...

И вот Лида смотрит рисунки. Как и вест, ее прежде всего поразила, конечно, не их талантливость. Главное для нее было в другом: как объяснить это себе и как объяснить окружающим? «Мальчишка— я едва знаю его— изю дня в день втискомы выбулдует за мной, рисует меня... Как он смеет угадать, о чем я думала тогда на скамейке в саду, когда шла с лекции? А если не угадал, то откуда появилась на рисунке это выражение лица? Откуда он может знать мои мысли? А если знает, то как смеет показывать, что я интел? Кто позволил ему вывесить эти ансты для всеобщего обозрения?»







Лида в тех редких случаях, когда ее сводили с Токаревым какие-нибудь институтские дела, говорила с ним холодно. И уж, конечно, и речи быть не могло, чтобы она позвала Токарева. А без этого нельзя было прийти к картине. Дмитревский потребовал от меня:

— Поговорите вы с этой девушкой. Вразумительно объясните ей все, так сказать, не с позиций личных чувств, а от имени высших интересов искусства. Вам сюда моя мысль?

Но я отказался наоборот. Токарев не мог работать над картиной и мучился, а тут ко всем сложностям прибавился экзамен, сдавший всего на тройку.

— Побольше бы сидел в читальне, поменьше бы занимался живописью... И лирикой,—раздраженно ответил мне декан факультета, когда я от имени нашего кружка явился ходатайствовать, чтобы Токареву разрешили передать экзамен. Декан, читавший у нас психологию, считал себя знакомом всех движений человеческой души.

Я пришел к Сае, чтобы сообщить ему о неудаче. В тот год мест в общежитии не хватало, и институт снимал комнаты на тихих Парковых улицах. Токарев и двое его одноклассников жили в мансарде деревянного двухэтажного дома. В мансарде было полукруглое окно и скошенный потолок. Все это казалось нам необыкновенно романтичным. Но летом эта романтика дьявольски накалялась, а зимой была немаломо холодной. Зато взамен других удобств на стене висел донатошый телефон с красивыми перекрывающимися молниями. Он остался от какого-то учреждения.

Соседи Токарева уехали в библиотеку, а он, лежа на койке, читал проваленный курс. Не сколько подрамников было от соблазна повернуться холстом к стене. Когда я сказал, что передать сейчас не придется, Саа с облегчением бросил учебные подрамники.

Мы поговорили о том, как он перебежит без стипендии, какую временную работу взять ему на вечерние часы, потом перешли на наш кружок, вспомнил выставку и расстался с чувством будущего друга.

Чем ближе я узнавал Токарева, тем все становилось мне то, чего я не понял на выставке, когда увидел его рисунки впервые.

— Все, о чем думал мы, когда вспоминали комплексные краски нашей школы, когда пели песню про девушку нашу в походной шинели, когда размышляли о будущем нашего поколения, о дорогах, которые предстояло пройти,—все это сливалось в представлении Токарева с образом любимой. Поэтому от и рисовал Лиду так, словно она идет не просто навстречу ветру, а навстречу грозным испитаниям... Вот что хотел выразить в своей картине, вот что искал Токарев.

Но картина еще была написана, и Лида была от него дальше, чем тогда, когда только начинал делать первые наброски.

Стола июньская жара. В переулках летал тополиный пух, над дачными платформами звенели ипоноэреки жара, в скверах старинноклассники готовились к экзаменам, а мы еще сидели в душной аудитории и в пол-уа слушали заключительные лекции.

Однажды ко мне подошла Лида. Хотя мы виделись почти каждый день, я снова подумал, что тот, кто встретит ее в первый раз, будет потом долго вспоминать, что ж такое необыкновенно случалось в этот день.

Мы поговорили о каких-то факультетских делах и уже попрощались было, но она вдруг остановилась и спросила:

— Как у Александра?

Что ответить ей? Одноклассника Токарева уже закончил занятия, а он безвыходно сидел в своей мансарде, зурля, готовился к экзаменам, корпел над чертежами для заработка, иногда брался за альбом и, конечно же, думал о своей нечистой картине.

— Попробуем,—ответила я. Мне казалось, что это все объясняет.

— Где он живет, ты знаешь?

Оказалось, что я знаю, как идти к нему, а дать точный адрес не могу: не помню номер дома.

— У них есть телефон,—спохватился я.

Только через год Токарев рассказал мне о том, что произошло в этот день.

— Не помню, что подумывал и размышлял были тут неуместны.



— Когда вы придете?—спросил Токарев. Ему казалось, что через телефонную трубку по проводам передается стук его сердца.

— Часов в пять, если можно,—ответила Лида.

Тетради Александр отдал товарищу, который жил в Алексеевском студеском городке. Но он не сказал этого Лиде, продиктовал адрес, выгреб деньги из всех карманов и выскочил на улицу. Часы показывали половину четвертого. Шофер такси, услышав адрес Алексеевского студгородка, недоверчиво присвистнул. Токарев вытисил из кармана деньги, смятые в комоч, и они поехали.

В общежитие Саа ворвался, задыхаясь, потребовал тетради и, если можно, летел в дом на обратную дорогу. Узнав, что Шурку ждет такси, приятель, к которому он приехал, повалился на койку от изумления.

— Посмотрите на этого нижника! Ты что, перерезывался, старик, или хватил лишнего? Но тетради отдал и даже денег у соседей набрал минут двадцать.

Минут за десять до назначенного срока Токарев был дома. Когда он входил в комнату, ветер захлопнул открытые настежь окна. На пол посыпалась стелка. Хлынул вивальз июньский дневень, и Саа понял, что Лида не придет. На столе лежали тетради, валя которыми он ездил на другой конец города, и туберкулевка—все, что осталось от его путешествия. Дождевые струи, срывавсь с крыши, стучали по подоконнику.

Но она пришла.

— Какой дождь! Я едва добежала... Что это с вами случилось?

Но я-ваа конспексов она пришла и не ради того, чтобы узнать, как он относится к ней. Это она знала и так. Она пришла, чтобы снова посмотреть на рисунки. Чем больше времени проходило после выставок, тем больше она думала о них, думала о себе, таякой, какой она была на рисунках Токарева, особенно на последнем. Это было мисси о будущем, несные мысли о большой судьбе, о большой любви, о подвиге, может быть... Ведь у каждого из нас в молодости есть такие мысли, и очень важно, взрослея, не растерять их, не отмахнуться от них, как от романтической блажи...

— Лида долга один за другим рассматривала рисунки, пока не начало темнеть.

Пришла соседка Токарева и ухитрилась следять вид, что не удовлетворил ни рисунком, ни даже появлением Лиды. Она вышла со всеми чаёв, а стала тогда прощаться...

— Провожать меня не надо,—сказала она Сае, который вышел с ней на улицу.—Я досуд сама.

Но он посмотрел на нее такими отчаянными, такими молчаливыми даже, что она согласилась

Конечно, поэты и художники прославляют любимых стихами и кистью. Это известно. Но то великие поэты, великие музыканты, великие художники. И любовь их великая. Ее запоминают на века. О ней пишут книги. О ней говорят на экзаменах, когда сают литературу. И женщины, сумевшие впитать ее, тоже были необыкновенными. А тут ведь идет о ней, о Лиде, и о мальчике в суровой куртке с молнией, в куртку, которую ему, наверное, сшили еще в школе. Вот он стоит рядом, едва осмеливаясь поднять на нее глаза.

«Неужели я действительно такая красивая?»—подумала Лида, но, обернувшись к Токареву, строго спросила:

— Зачем вы это сделали?

Токарев проткнул ей лист с рисунком, на котором она идет по полю.

— Вот,—сказал он. Но даже и это «вот» он выговорил с трудом.—Я хотел написать картину. Это эгоизм... Но памяти очень трудно—картину. Но я напишу.

Наверное, он хотел объяснить, как важно для него рисовать ее, не такс, как хорошо будет, если она согласится позировать ему, но не решился.

Лида взглянула мельком на рисунок, увидела поле, по которому никогда не шла, и шинель, которой никогда не носила.

— Где я? И почему в шинели?—спросила она.

Но потом стала вглядываться в рисунок и примолкла. Мы вышли из зала. В эту минуту даже самые бесшабашные остряки поняли, что нужно уйти, уйти молча.

\*\*\*

Я не знаю, о чем говорили Лида и Токарев, не узнал и поле, когда подружился с Саеи. Но я хорошо помню, как трудно пришлось ему в институте.

О его рисунках было много разговоров. Ходили по институту и недобрые шутки. Потом я узнал, что придумывал их Юрий Попов—мелким оказался он человеком. Уже шутки были неумные похвалы. Словом, после выставки Токарев ждал, как под лупой. Все это делало его необыкновенно сложными его отношения с Лидой, да и со всеми, кто ее окружал. Он уже не мог, как прежде, сидя где-нибудь на собрании или забравшись в угол аудитории, незаметно вытисить свой альбом, он даже вообще не мог появиться с альбомом в институте без того, чтобы ему не задали главного вопроса, не острили бы...

Собственно, никто не хотел специально его обидеть, разве только Попов. Просто ребята не понимали, что подумывал и размышлял были тут неуместны.



пойти пешком. Они шли по узенькому тротуару переулочка, потом свернули в темную аллею, тянувшуюся вдоль ограды парка.

Падло морской лиственки. На скамейках в колдовском свете лучей перешептывались влюбленные...

А Токарев даже не решился взять ее под руку.

У станции метро была обычная вечерняя суетошка. Лида, поколебавшись, согласилась и дальше пойти пешком.

Они пересекли широкую улицу, пошли мимо тихих в темных боковых садов, мимо странного здания клуба, которому архитектор-конструктор придал уродливую форму. Саша, да и никто из нас не мог знать тогда, что скоро в нем будет наш призывной участок и что отсюда мы разведемся по ананасным полям в военном училищани...

И всю эту долготу дороги, после того, как он понял, что она не уйдет, Саша рассказывал, рассказывал, как никогда прежде. Он говорил о своей работе, о том, как трудно, когда знаешь, чего хочешь, а рука не слушается — она падает такими самыми неумными. И о том, как он впервые был в Третьяковской галерее, когда приехал в Москву. Вышел оттуда оглушенный, растерянный. Долго лгузал по переулкам Замоскворечья, забыла, куда ему идти... И о том, как к нему домой приезжал Дмитрий, вспоминая свою жизнь и с горечью признавался, что для того, чтобы стать настоящим художником, ему не хватало niente — воли! И о том, что после разговора с Дмитрием его самого все сильнее мучает одно чувство: время уходит, а ты еще ничего не сделала, ты не успешнее, торопишься... А большая его картина так и не начата.

Перед воротами ее дома кончалась самая красивая в жизни Токарева дорога. Оттуда Лида тварадь с конспектами, которую нес всю дорогу, и ушел.

В тварадь он еще дома вложил свой рисунок, тот, где она идет по полю...

Возвращался Саша пешком, вспоминая все, что было сказано и что осталось недосказанным. Когда она протянула ему руку на прощание, он почувствовал ее спокойное, дружеское пожатие, и ощущение счастья сменилось вдруг ясным пониманием — будто он со стороны увидел и ее и себя, — ясным пониманием, что она никогда его не полюбит, никогда...

\*\*\*

Конечно, в ту ночь на барже я вспоминала все это иначе: не так подряд и не так подрядно...

Близке к утру мне пришлось снова спуститься в трюм: наверху стало отчаянно холодно. Согрешивши в духоте трюма и вроде бы начиная дремать, я вдруг вспомнил, как мы провожали Токарева в августе 1941 года.

...Я был уже в форме, к которой еще не совсем привык, а Саша, только накануне получивший предписание явиться в военно-учебный лагерь, — в штатском.

Мы стояли у вагона втроем: он, Дмитрий и я. Дмитрий смотрел на Токарева так же, как смотрит на своих уезжающих сыновей отцы и матери, справляясь, все ли у него есть, так же порывался что-то кинуть на дорогу, а когда закуривал, у него дрожали руки.

До отхода поезда оставалось несколько минут. Заговорило радио. В хвосте состава заиграла музыка.

Мы обнялись. Александр уже хотел войти в вагон, но в это время в конце перрона я увидел Лида.

Она подбежала к нам и еще на ходу крикнула:

— Саша, Токарев!

Он оглянулся. Его лицо просияло.

— Успела все-таки... Войлжас, что опоздала, — сказала Лида.

Но тут объявили отправление. Лида протянула Токареву руку, а потом обняла его и поцеловала.

Поезд тронулся, я мы, ускоряя шаг, пошли по платформе, рядом с вагоном, на площадке которого стоял Александр. Вагон обогнал нас. Все быстрее и быстрее проходили мимо другие вагоны, мелькнул проводник со свернутым желтым флажком в руке, и состав, раскисаясь, ушел через выходящую створку.

Вот и уехал, — сказала Дмитрий.

На площадке мы постояли несколько минут.

— Буду теперь ждать Сашу, — проговорил Дмитрий.

И молчал. Хотелось, чтобы заговорила Лида.

Но она тоже молчала.

— Ты куда? — спросил я ее наконец.

— В райком надо ехать...

Мы простились. Лида пошла к трамвайной остановке, оглянувшись, как будто хотела что-то сказать, а потом, помахан нам рукой, скрылась в толпе.

Мы молча шли по Садовому колдому мимо витрин, заложённых мешками с песком. Темнело. Равьше в это время уже заигрывали форнари.

Дмитрий неожиданно сказал:

— Это слабые выдумали, что нераздёленная любовь — несчастье. А он не слабый.

И я подумала, что Дмитрий отвечает своим собственными мыслями. Ведь его отношение к искусству было тоже чем-то вроде нераздёленной любви...

\*\*\*

Утром мой сосед-артиллерист, с которым мы накануне познакомились в очереди к кассе, пожаловался:

— Ну и беспокойный же у тебя, лейтенант, сон! Вспоминал, курил, вставал... Ты что, поспе конвульсы, что ли?

Я промолчал. И этот артиллерист с горькими складками на молодом лице в каждый из моих спутников стоило уже поглядывать и столько нам всем еще предстояло увидеть, что было невозможно сказать: не спал, потому что неиститут вспоминал... Я снова подполз к пакату и в друг заметил то, чего не разглядела ночью: подпись. Несколько строк было оборвано.

Но в тех строк, которые остались, было достаточно, чтобы понять, что Лида совершила подвиг и погибла. Оставшаяся часть текста начиналась с обещания, которое дала солдатым над ее могилкой...

Была ли похожа ее подвиг на то, что представляла себе Токарев?

Встала ли она первой и пошла вперед, когда командир был убит, а рота залегла под огнем, или она вытаскивала раненых из-под обстрела, или, может быть, была в разведке? Не знаю...

Я представлял себе, как вест о том, что сделала Лида, дошла до командования, как ее подвиг признали достойным посмертной награды, как у лядных подруг в переписке между собой спрашивали корреспондентов, нет ли ее карточки. Наверное, девушки поискали в вешевом мешке и вместо карточки среди писем нашли рисунок Токарева, поплакали над ним и отдали, и он превратился в плакат: яркое поле, влюбленная земля; небо в тяжелых тучах; по этому полю, под эти тучи идет девушка в шинели; она без шапки, ветер развевает ее волосы, отбрасывает назад пом шинели, а она идет вперед, идет упрямой, идет, улелкая на собой своим порывом...





# Турани

С. АТРЫГАНЬЕВ

Когда на тебенеке! бунует буря, на услабке коневодческого совхоза Маховушка глухо стонет колокол. Гул меди уносится далеко в степь, и его слышат в табунах за десятки километров от совхоза. Он указывает людям, где, в какой стороне Маховушка, совхоз, товарищи, тепло родного очага.

Грудно табуны в такую погоду. Закружит ветром снег над землей, лошади прижмутся друг к другу и медленно бредут в подветренную сторону.

На этот раз буря дур две суток, и все сорок восемь часов сторож Пахомыч и пожарник Аким, сменяя друг друга, дергали за обледеневшую веревку, заставляя колокол гудеть.

Пахомыч, косматый-рыжий старичок, забю прача морщинистую шею в воротник полушубка, бурчал себе под нос:

— И откуда оно берется: несет и несет. Достанется нынче Нагибу, тяжела тебенека!.. А Тучке-то, красавице, срок жеребиться. Как-то она будет...

Пожарник молча слушал Пахомыча и только временами тяжело выдыхал, будто сам в эту минуту бродил с лошадьми по метельной степи.

— Молодой табушник Никита Пиноваров — рослый, румяный здоровяк, застенчивый, как девушка, — зимовал с табуном на отдаленном пастбище, на ровной, как скатерть, открытой для ветров степи. Вокруг ни холма, ни балочки, ни стога сена. Испробуй укрой в буря лошадей или удержи табуны, когда ветер сшибает с ног даже самую косматика! — жеребца Нагиба!

Накануне утром пахнуло теплом в чюа. Сторожевой лохматый пес Актая, чюа весну, то и дело катался по снегу, или, как говорил Никита, «принимал ванну». Но когда Никита уже сел на верхнюю, все неожиданно переменилось. Солнце нырнуло за рыхлые тучи, и они, как клубы дыма, низло и выло поплыли над озером; повалил снег. Тереть vigorously зашумел камышом, вместе с лошадиные гривы, распущив хвосты, закружились по степи кипищей белой мглой снеговала.

Нагиб, золотисто-рыжий великан, стал теснить ятак, осторожно подталкивая грудью жеребца; он сбивал табуны под ветер, к прирастанию. Лошади быстро ступались. Никита вскопал на укрощеном, подхвэлал к Нагибу и аскаво, будто обращаясь к человеку, сказал:

— Ну, держись, Нагиб, понесет нас ветром, успевай только поворачиваться.

Табушник платно выдвинул ушапку на лоб. Вскоре нерва ветра донес первый удар колокола. «Пахомыч звать о себе длет!» — подумал Никита и тепло улыбнулся: этот звук был знаком ему с детства.

Табуны двинулись медленно. Снег покрывал спины лошадей пушистыми попонами. От разгоряченных конских крупов над табуном клубился пар.

Время от времени раздавалось звонкое ржание Нагибо, на которое тотчас же откликался весь табуны.

Иногда Никита кричал:

— Э-гей! Нагибушка! Идешь?

И грубым голосом отзывался космачик.

Уже смеркалось, когда Никита остановил табуны на отдых. От густо валившего снега лошади из вороных, рыжих, гнедых слопнь превратились в белых.

Идалека непрерывно доносились приглушенные зовы табунца! Стоять на ветру было немощно. Табуны тронулись.

Ночью в крошечной мгле Никита потерял из виду табуны и лишь по тяжелому дышанью лошадей и терпкому запаху туча угадывал, что табуны где-то близко.

Никита склонился с седла и окинула собаку:

— Актая, ащи!

Пес отчаянно звал свое дело: обнаружив отставшую лошадю, он яростно даял на нее, словно ругая за нарушение порядка, и она покорно занимала свое место в табуне.

Некормленные лошади слабели, табуны едва тащились. Устал и Никита. Палач и полубоубок давили себя свиновью тяжестью, прижимая к седлу; затекли ноги, согнутые в коленях; озябли руки то и дело терли повод.

Табушника клонило ко сну. Сквозь дремоту, которая одолевала его, рев ветра и лай Актая чухались ему где-то далеко-далеко.

Убокающий монотонным завыванием выюги, Никита все же выдержал и уступ, и когда открыл глаза, понял: табуны не двинулись.

Хвосту укрощеного пельтея, Никита проехал вперед. Приглядываясь: метра в ста что-то светит чернью.

Усталость и сон мгновенно исчезли. Проjecha еще несколько шагов, Никита остановил лошадь. Перед ним возвышалось длинное строение без крыши

Затини! — воскликнула Никита, от избытка радости встав на ступени во весь рост. Затини представляла собой три массивные саманные стены, напоминавшие огромную букву «П». Ветер не проник сюда, и здесь было сравнительно тихо.

— Эй, эй-йй Нагиб! — загоранил Никита. Через несколько минут лошадь укрывалась спасительными стенами затини. Измученные жеребят сразу же легли, мати засыпала стою. Только Нагиб и Актая обдаровалися у входа, охраняя покой табуна.

Никита спешивалась, оторвал руки, скрутил ватерпирску. Присел у стены на тучку самана, он затинулся дымок. Как от хмельного, закружилась голова.

Вдруг какой-то странный звук заставил его насторожиться. Табушник прислушался: в дальнем углу чуть слышно стонала лошадь.

«Тучка!.. Ей срок жеребиться!» — мелькнула тревожная мысль.

Он вскопал на ноги и протиснулся сквозь тесно сбившуюся массу конских тел к стонущей лошади.

Так и есть: Тучка!

— Эх, моя хороша!.. Вот оно как поучилось! — сокрушено прошептал табушник, склонившись над растущейся на снегу лошадью. Тучка перестала стонать, пошатываясь приподняла голову. Сердце Никиты сжалось: у теплого большого живота Тучки шевелился жеребенок, тесно сливаясь приподнятой на слабых ножках. От него струился пар. Мокрая шерстка покрывалась серебристой пылью инея.

Ласково помотав Тучку, табушник пощипал ее на ноги, пощадил жеребенка к соскам и, сняв с себя плащ, отер им малыша, а потом расстелил плащ на земле и бережно положил на него новорожденного.

Жеребенок закрыл глаза, только его залдрожало, но медленно подогнувшись под живот: он замерал.

Никита снял с себя полушубок и накрыл им жеребенка. Тот начал согреться, зато Никита, оставшись в одном ватнике, сразу озеб.

Чтобы сохранить остатки тепла, он захлопал руками по бедрам и запырал на озеб. Стаю теплее, но усталые ноги подкашивались. Никита перевел дыхание и присел возле жеребенка. И в то же мгновение глаза закружились, голова упала на грудь. Но прошло всего несколько секунд. Табушник вздрогнул и открыл глаза.

— Эдак и замерзнуть недолго, — умышленно громко сказал он, жевая подборить себя, и вскопал на ноги, опять запырал.

Буря затих. Медленно разгоралась заря. Лошади дремали стая и лежа.

...Временами Никита опускаясь на плащ возле жеребенка и Тучки. Тучка лежала с открытыми глазами, приглядывая нежную шерстку сына своим шершавым языком. Жеребенок не шевелился: первый земной сон глубокий и сладок.

Табушника знобило. Веки стали такими тяжелыми, что поднять их стало больших усилий.

«Не спать! Не спать!» — настойчиво стучало в висках. И, преодолевая уже неустойчивость, а бессоние, он снова поднимался и, пошатываясь, ходил взад и вперед, взад и вперед, так же, как и прежде.

Кто знает, сколько двинулся он так: полчаса, час, два... Но когда заржал Нагиб, Никита очнулся и, не понимая, почему он лежит на плаще, приподнял голову и посмотрел на склоны холмов. Холмы, казалось, ковылялись в белой мгле утра. Вставало оранжевое солнце, холодные лучи его бродили по белой степи, на которой вдали двинулись еле приметные черные точки.

Никита, что-то пообормотал и уронила голову на плащ.

Между тем точки все приближались, принимая очертания группы всадников.

Впереди скачал, толпя лошадь пельтею, косматый старичок.

«Пахомыч!» — узнал Никита, не пытаясь больше сопротивляться морозу и усталости, повалившим его на землю.

Через минуту, тепло укрытый, он спал так же крепко, как и малютка-жеребенок, сын серой Тучки.

Надеждиская МТС.  
Нустайалиев С.Б.

1 Тебенека — зимнее пастбище

Рассказ Б. Минина «Третий листик», напечатанный в № 17

— А как вы поступили впоследствии?», заканчивался вопрос.

«С тем как поступили вы? Читатели горю откликнулись на этот вопрос. Редакция получила много писем из разных концов Советского Союза, из стран народной демократии.

Разговор об этом на страницах журнала хочется начать с той стороны по имени студента Уральского политехнического института Б. Григорьева, который отвечает на вопрос, как бы он поступил на месте Павла, так как считает, что рассказ не дает достаточного материала для общего разговора. Далее он критикует рассказ за его художественную слабость.

«Я думаю,— пишет Б. Григорьев,— что главное в литературном произведении — это не идеи и не художественные образы. А автор «Третьего листика», к сожалению, не проник в души своих героев, дал им только внешние приметы: Павел — черноволосый, светлоглазый, а Зина — сероглазая. В самом деле, почему, например, Федя и Павел полюбили Зину? Это из рассказа понять нельзя. А чувства Зины разве раскрыты? Это студент парадоксально в таком возрасте люди обычно переживают свою первую любовь.

Автор сообщает нам: она полюбила Павла, а Федю? Не любила или разлюбила? Если не любила, то почему она любила его и рекомендовала себя? «Познакомился... моя Зина? А если разлюбила,— почему так быстро? Какие на то причины? И за какие доблести она полюбила Павла? Об этом в рассказе о Федю отличается только цветом волос...»

С критическими замечаниями студента Б. Григорьева нельзя не согласиться. Эти и другие недостатки рассказа мы уже все же решили его напечатать, хотя бы для того, чтобы вызвать читателя на разговор о любви и дружбе. К сожалению, литературный редактор молодой автор Б. Минин, почти ничего не пишет на животрепещущие темы морально-этического характера. Кроме рассказов Ю. Нагибина «Любовь» и Е. Успенской «Отца», напечатанных в «Комсомольской правде», за последнее время не появилось ни одного сколько-нибудь интересного рассказа на эту тему. Вот почему мы решили напечатать рассказ «Третий листик» с тем, чтобы на его основе схематическое изложение сюжета заставит наших читателей задуматься над многими волнующими их вопросами. В редакцию поступило много писем от авторов, которые горно обсуждают то, что произошло с Павликом, Федей и Зиной.

«Разорвать так напело дружбу, столько лет соединявшую молодых людей Федю и Зину, — это ужасно», — пишет Е. Горшкова из г. Ярославля.— Но что же в этом виновато?

Как и большинство читателей, автор этого письма осуждает поведение Федю и Зину. Но автор, Горшковой, он должен быть прав, что Зина его никогда не любила, а только дружила с ним и что ее любовь к Павлу он помещал в старую верную дружбу. А поступив так, он остался один и уронил себя в глазах двух своих самых близких друзей.

## О ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ

ОБЗОР ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

Секретарь учительской комсомольской организации Ново-Дзержинской средней школы (Рязанская область) Д. Лука в своем письме считает, что автор рассказа «Третий листик» затронул важные, волнующие молодежь вопросы дружбы и любви. «Невольно приходит на память,— пишет он,— бескорыстная, самоотверженная дружба героев романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» — Лопухова и Кирсанова. Сколько благородства, человечности, нравственной чистоты в их поступках, а в их отношении к Вере Павловне, а которую она еще любила! Вспомним, как поступил Лопухов, узнав о том, что Вера Павловна любит не его, а Кирилова: само дорожке дружбы, он пожертвовал своим личным счастьем ради товарища. Не желая быть третьим лишним, Лопухов сошел со сцены... В рассказе «Третий листик» устыли Павлика автор утверждает, что влюбленные способны на всякие глупости. Я бы этого не сказал. Фраза эта популярна в прозе комедий и оперетках, но применять ее к жизни молодежи дело выглядит куда сложнее. Нет, не настоящая любовь свазывала Федю и Зину, а дружба Павлика была в действительности такой крепкой, как это Кирилов и Верочка. Вероятно, этой дружбы Федя был обязан Павлику, который давал ему все, чтобы ее сохранить и укрепить, но когда пришла испытание этой дружбы, Федя показал своей подлинной любовью.

Точно такое же мнение высказывает ученица средней школы Ирина Сологуб (Вильно). Она пишет: «Зина не ошиблась в выборе, она полюбила человека, умеющего ценить и понимать настоящую дружбу, товарищество и любовь. Павлик, безусловно, симпатичен Зине. Он сдержан, все готов в трудную минуту услужить другу и объяснить ему его ошибки. Только будучи настоящим другом, он мог сказать Зине, которую сам любил: «Девушка, которую любишь много, не может быть для меня ничего больше, как хорошим товарищем».

«Федор является эгоистом,— пишет Алла Гришко из Риги.— Он думает только о себе, о своих чувствах, о своем благополучии. Почему Павел находит в себе силы отказаться от любви Зины ради счастья друга и готов жертвовать своей любовью, а Федя не желает считаться с чувствами девушки, которую он любит, ни со священными законами дружбы с Павлом? Значит, не дорожил он этой дружбой и Зину он любил по привычке, по инерции». Воспитательница Воронежского суворовского училища Ю. Филатов, осуждая поступки Федю, пишет: «Какой он после этого друг? Ведь столько того можно сказать своим друзьям, о своем нежном доверии: же жизнь, душа, сердце». Так писал Николай Островский. И как это верно сказано! Я бы на месте Павлика, не глядя на

необоснованную обиду Федю, продолжал бы встречаться с Зиной, хотя бы из соображений тактичности и элементарной вежливости, а на месте Федю я не повторил бы ни одного его поступка и, конечно, не посмел бы нарушить дружбы с Павликом.

Другой суворовец из того же училища, В. Попов, считает, что Павел, порвав отношения с Зиной, поступил правильно, потому что эта девушка, по его мнению, не заслуживает любви такого хорошего юноши, как Павел.

«По поводу рассказа «Третий листик» я так пострился со своим лучшим другом, звавшимся позицией Федю, что вдруг с удивлением обнаружил в нем то, чего раньше не замечал,— что он эгоист и себялюбив. И теперь передо мной самым встал вопрос: перестать ли дружить с ним или постараться повлиять на него, чтобы сохранить дружбу? Так начинается письмо Д. Афанасьева (Москва), писмо, пожалуй, наиболее интересное. А далее в этом письме говорится:

«Прочитав затронутое письмо, так как бы поступил я на месте героев рассказа, ибо не знаю их близко — уж очень они бледно нарисованы автором. Когда Лопухов и Чернышевский в романе «Что делать?» жертвуют своей любовью, я его понимаю, я живу его мыслями, его радостями и его болью — так прекрасно написан этот роман. Печально видеть в нем и дружбу настолько сложной и тонкой, что судить трудно, разобрать их поступки невероятно трудно. Иной раз сам не можешь разобраться в соблазнах поступков. А спрашивать совета по вопросам любви у третьего — это уже самое последнее дело. Рассуждаю о себе. Два года назад я женился, а три месяца назад стал отцом. И в свою жену я влюбился, как говорит, с первого взгляда. Дев — три встречи в заводском клубе, и я уже объяснился в любви, еще месяц и мы зарегистрировались. В это же в своей будущей жене не видел никаких недостатков (теперь-то я знаю, что когда любишь, то многого не замечаешь и много прощаешь). А через месяц пять я обнаружил у жены много неприятных черт, в том числе скупость — не разумную бережливость, а именно скупость. Да к тому же жена завидует тем, кто издает журналы, которые можно получить отцом без конца. Узнав, что мой друг некогда советовал мне не торопиться с женитьбой, она возмущается и полагает, что я не хотел ребенка, говорил: вот будешь жить получше, тогда и завведем детей...»

Столкнувшись со всем этим, стал я думать: а меньше ее любить! Нет. Но я понял, что наша семейная жизнь уже не будет так безоблачной, какой она нам казалась. Понял я также, что и мой и ее любовь будут подвергнуты также

лому испытанию. Я, конечно, мог поступить, как нередко поступают в таких случаях, — или разойтись, или примириться с недостатками жены, сказал себе: «Ладно, как-нибудь проживем». Но я комсомолец и поступил так не имел права. Став мужем, я уже отвечал не только за себя, но и за свою жену. Но посядате сами, ведь не легко в один прекрасный день сказать любимой жене: у тебя отравительная черта и суйтись и завестившая, я хочу, чтобы ты преодолела в себе это. И еще сказать ей, что мой друг попрежнему должен быть у меня, ведь отравительная черта — это прав. И вот слова эти сказаны. В ответ — слезы и уход к матери. А ее мать, не разобравшаяся в случившемся, уже считает меня негодяем, губителем ее дочь. Мне нужно было сделать милая соседней, убедить ее, что я желаю жене только добра и что у меня нет никаких других целей, как сделать нашу семью крепкой. Это борзят, а Зина так жалась почти год. И самое тяжкое было в том, что я в этой борьбе был совершенно один. Назовите мне произведение советского писателя, которое бы учили молодежь строить свою личную жизнь.

В такую трудную минуту жизни я пошел к секретарю комсомольского комитета. Я рассинчал, конечно, получить от него числительные указания, а просто хочу поделиться с ним своими переживаниями, своим горем. Он выслушал меня и сказал: «Зина правела: все время ему зномили из щек». А в конце разговора он спросил:

— Ты что же, хвонещ, чтобы мы вызвали твою жену на комитет?.. Вызвать ее можно. Ну, что им ей предьявить!

Так и не получившись задуманного разговора с секретарем. В общении я горюлся тем, что все же сумел прийти к такому решению, убедить жену в своей правоте и тем завоевать еще большую любовь с ее стороны. Но я думаю о других таких же, как я, молодых людях, вступающих в самостоятельную жизнь. И потому, обращая к редакции, прошу писать о житейских делах, не прилагивая трудности, без прикрас. Это поможет нам строить свою собственную жизнь. Надею, что бы сама молодежь писала нам о всех сложных случаях в своей жизни и чтобы вы также письма помещали. Тогда я буду рад и к вам писать, прочитав рассказ «Третий листик».

Можно только поблагодарить Д. Афанасьева за его хорошее письмо.

Все письма, которые мы получили, проникнуты светлыми мыслями молодых советских людей о дружбе и любви. С какой неподдельной тревогой и участью мы читали то, что произошло с Павликом, Федей и Зиной! В одном из писем говорится: «Может, Федя, Павел и Зина — это подлинные люди! Тогда не надо им ничего обещать и надеяться, я хочу написать им дружеское письмо и помочь, в частности, Федю разобраться в его неправоте». Герои рассказа, конечно, вымышленные, но история, рассказанная в рассказе, все-таки жизненная, и разговорная о ней, наши молодые читатели задумываются над проблемами дружбы и любви.

Пыщите нам, друзья, на эти темы!

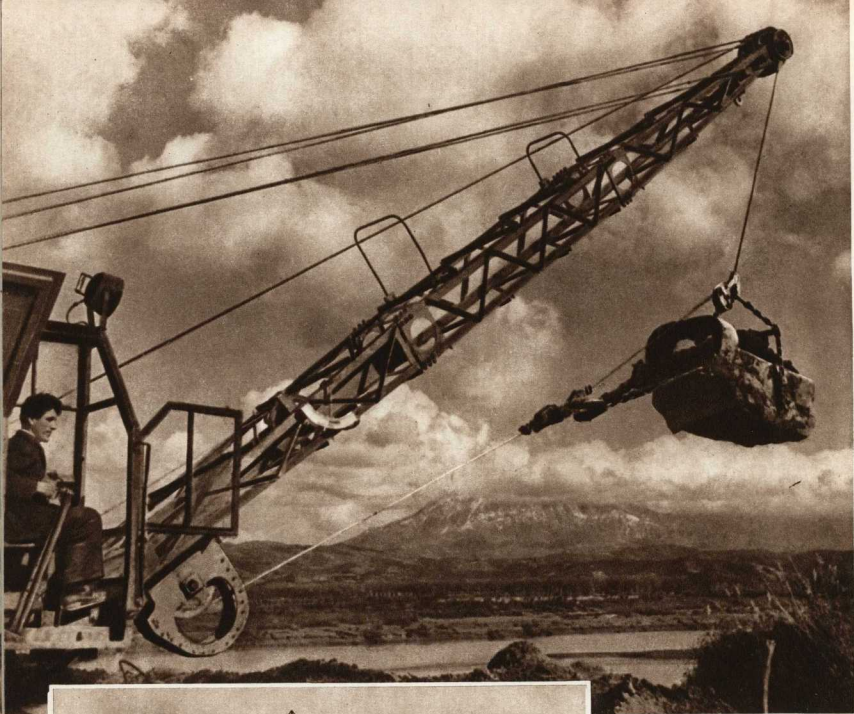


Фото Я. Халипа.

Двенадцать лет назад, 19 ноября 1942 года, ранним ноябрьским утром в привольных степях грянул небывалый по силе артиллерийский залп. Он снес с лица земли мощные фашистские укрепления. Этот залп возвестил начало нового этапа в Отечественной войне. Началась наступление Советской Армии под Сталинградом.

Ежегодно в ноябре советский народ празднует День артиллерии. Вместе со всеми воинами отмечают славный праздник воспитанники 2-го Московского артиллерийского подготовительного училища. Будущие артиллеристы пока «стреляют» на учебном полигоне, расположенном в одной из комнат училища. Но и сейчас их «огонь» отличается точностью.

На снимке: воспитатель гвардии подполковник Сергей Николаевич Кочнов и воспитанники училища Валерий Арапов и Владимир Головино у учебного полигона.



↑ Молодой машинист экскаватора Идрис Черули работает на строительстве канала в округе Берат.  
↓ Нами Динони — передовая сборщица винограда.



Драго СИЛИЧИ

## СВЕТ НАД АЛБАНИЕЙ

Человек, попавший впервые в устье Ульзы, не может не восхищаться его красотой. Высокие горы и скалистые утесы окаймляют долину. На фоне гор белеют тесно прижавшиеся друг к другу домики горных селений.

На редкость богат и разнообразен здешний растительный мир: тут и стройные кипарисы, и дубы, и кусты чаша вперемежку с каштаном, ольхой, орехом, и чудесная груша, спябавшаяся под тяжестью плодов.

Среди горных громад Ульзы проложила себе русло река Мати. Она считается одной из самых бурных рек страны. Стремительно течет Мати в теснине. По имени реки названа и вся эта горная область.

В старой Албании этот край был отсталым и заброшенным.

Наше албанский народ знает другую Мати — край народных строек, вдохновенного, свободного труда.

Только два года назад горцы впервые увидели здесь автомобиль. Он ехал по дороге, проложенной молодежью. «Дорогой света» на-

звали ее тогда местные жители. Сейчас в ущелье Ульзы строится самая большая электростанция Албании. Молодой рабочий город растет там, где лишь недавно шумела лесная поросль. Со всех концов страны пришли сюда люди.

Одна из лучших бригад рабочих строки — бригада девушек из Решен северной области страны. Древний обычай требовал от женщин этой области полого повоевания мужчины. Девушек держали взаперти, им не разрешалось разговаривать даже с соседями. Бригадир девушек из Решен, Руте Вука, так рассказывает о своей прошлой жизни:

— День освобождения наступил, когда мне было пятнадцать лет. А до тех пор я сидела под замком и знала только, как доить корову. Ни читать, ни писать меня не учили.

Руте Вука с нетовариением вспоминает, как ее хотели обручить с богатым вдовцом из их деревни. Он был на тридцать лет старше невесты. Согласия девушки тогда не спрашивали...

В 1947 году Руте уехала на строительство первой албанской железной дороги. Там она научилась грамоте. Там же полюбила Рифата, молодого парня из Решен, товарища по работе. Они поженились. Сейчас Рифат тоже работает неподалеку: он тракторист, водитель мощного тягача на строительстве электростанции. Каждое утро бригада девушек из Решен переправляется на другой берег реки, где прокладывается автотрасса. Вместе с бригадой идет ударица Хюрне Крой. Она секретарь бригадной организации молодежи. На правой руте у девушки заметен шрам от удара ножом. Дело было так: когда Хюрне заявила родителям, что едет на строительство текстильного комбината имени Сталина в Тиране, отец жестоко избил ее и запер дома. Вопреки родительской воле Хюрне все же ушла на строительство, и избивший отец пытался зарезать ее.

Это было совсем недавно, а теперь и отец, и мать, и меньший братишка — все пришли в ущелье Ульзы строить гидроэлектростанцию. Дядя Семан не любит, когда ему напоминают о том, как он подвизался на собственную дочь: ведь теперь он сам работает на строительстве.

Наиболее важным участком здесь является строительство обводного канала, по которому пойдут воды Мати. Основное русло реки будет



На государственной ферме Камзы молодые механизаторы изучают новейшую модель советского комбайна.

какая легенда. Рассказывал минер, горец лет сокола пяти, а молодежь жадно слушала его. — На нашей Мати трудно строить плотину. Такая у реки сила, что любая преграда ей не страшна. Пусть даже она железная. Поехал Павлов в Москву, а сам все думает, как с Мати справиться. Встретил он там одного ученого, который Дивер преградила, тот ему помог — отдал свои бумаги. Иван по ним нашел средство, как и на бурную Мати навести узду... — Не все ровно и гладко идет на стройке. Но люди стойко преодолевают трудности, ищут новые пути. Долгое время, например, не знали, как перевезти ее на машинах требовалось не меньше восьми часов на реку. Строительству помог главный геолог, молодой специалист Суле Мучо. В пещерах у подножия однок от гор Ульзы, а тридцать минут езды от платины, ему удалось обнаружить горный известняк. Там сейчас добывается известь для нужд стройки. Открытие молодого геолога сэкономило государству сотни тысяч лек.

Строительство гидроэлектростанции ушло не только молодежи, но и людей пожилых, немало повидавших на своем веку. Старому Гьето уже больше ста лет, а на вид не больше семидесяти. Он сохранил силу и подвижность. Его сын, работаю-

щий бетономщиком на стройке, не раз говорил: — Хватит трудиться, отец. Пора тебе и на покой. Ехал бы ты домой да занимался с внуками.

— Нет, сынок, — отвечал Гьето, — вкусен тот хлеб, который своими руками добыл. — Свою обязанность — подвизаться прозвище для строителя — старик исполняет добросовестно. Недавно на стройке отраздновали свадьбу: подпрыгивая Дяд Урку женился на бригадире Зарике Швейми.

За свадебным столом собирались родные и друзья жениха и невесты. По традиции, по среднему столу на двух подпорках возвышался жареный баран, а вокруг него бутылки с крепкой раки, вино, закуски. Две корзинки, полные румяных яблоч, стояли тут же. Первый тост должен произнести самый старший по возрасту. Пришлось сказать несколько слов старому Гьето.

— Пусть жизнь ваша будет светла, как прозрачная вода Мати, и пусть потовство ваше будет похоже на вас...

Эту свадьбу люди назвали «новой свадьбой»: ведь она проходила без сватов и попов. Трусая вместе, юноша и девушка полюбили друг друга, нашли свое личное счастье.

Судьбы этих двух молодых людей связаны отныне навсегда. Но их жизнь и счастье, как жизнь и счастье всей молодежи Албании, связаны с судьбой родной страны. Албанские юноши и девушки — неотъемлемые строители нового. Они работают, чтобы дать свет народной Албании.

Перевел с албанского Борис ГАЙКОВИЧ.



В читальном зале Дома пионеров города Блоре.

перегорожено железобетонной плотинкой. Кроме того, будет построен большой металлический мост.

На обводном канале работают инженеры Ибрагим Черрали, Гьето Виссиди, Эльвер Преза, главные подрытники Кадри Металари, Зейнел Хаса. Несколько лет назад никто из них и представления не имел о строительстве гидроэлектростанции, а сегодня юноши — один из самых активных участников стройки.

Очень много поочередно молодые строители у советского инженера Ивана Павлова, который работал с ними около двух лет. Все специалисты стройки вспоминают о Павлове как о близком своем друге. Имя Павлова широко известно даже на самых отдаленных объектах электростанции. Рабочие создали о русском инженере целые легенды.

Однажды подрытник Кадри Металари являлся свидетелем того, как создавался одна та-

Стоялица Албанской Народной Республики Тирана. Бульвар «Новая Албания».



# ОДЕССА-ПОРТ

Фото А. Уадляна.

**К**расив Одесский порт. На тысячи метров протянулись его причальные линии. Бетонные молы и волноломы надежно укрывают от непогоды многочисленные суда, стоящие в порту. Их здесь десятки, они образуют над гаванью бухты целый лес мачт и труб. Тесно, бок о бок, стоят грузовые пароходы, рефрижераторы, лесовозы, огромные баржи, шхуны. Свежий морской ветерок, пахнущий солью, полощет разноцветные флаги.

Многоголосый шум стоит над портом. Не умолкает пронзительный свист паромов, басовитые гудки буксиров, ледбоек, скрежет железа, пулеметная дробь пневматических молотков, грохот автотележек и автотранспортеров.

Одесский торговый порт по своему значению занимает в Советском Союзе второе место после Ленинграда. В дни войны порт был разрушен гитлеровцами, но за годы послевоенных пятилеток он не только восстановлен, но и полностью переоборудован.

Каждого, кто впервые попадает в одесский порт, большое всего поражает не его величина, а обилие мощной отечественной техники, умных машин и механизмов, предназначенных для разгрузки судов,



В воздухе повис гусеничный трактор, подбитый стрелой подъемного крана. Всего несколько минут — и трактор очутится в просторном трюме судна.

Матрос первого класса комсомолец Евгений Зимаков подает сигналы крановщику. Евгению только девятнадцать лет, но на дизельэлектроходе «Чнатури» его знают как отличного специалиста.

Заканчиваются последние приготовления к далекому рейсу. «Чнатури» еще не отошел от причала, а радиолоция комсомольской сатирической стенгазеты «Кронидил» уже готовит очередной номер.

подъема и транспортировки грузов. Здесь сделано все для того, чтобы максимально облегчить труд человека.

Вдоль причала легко скользят гигантские электокраны. Такой кран без малейшего усилия поднимает грузовой автомобиль или трактор и точно опускает груз в трюм или на палубу парохода. На помощь порталным кранам часто приходят плучичные подъемные краны, способные в короткий срок перегрузить содержимое огромной баржи в трюм парохода.

На берегу подъемным краном помогают подвижные автотранспортеры, которые не только перевозят груз, но и складывают его в штабеля. Для погрузки угля существуют специальные угленавалочные машины, ленточные транспортеры. А для разгрузки зерна построено оригинальное сооружение — зерносорос.

В гавани много машин новейшей механизации, по темпам погрузки и разгрузки судов Одесский порт превосходит многие всемирно известные порты капиталистических стран.

Всей этой мощной и сложной техникой управляют потомки одесских грузчиков, знавших раньше только одну «механизацию» — свои руки и плечи. Сейчас здесь не увидишь людей, бредущих по штакетам с мешками на плечах. В наши дни работа в порту уже не требует физической







«Порт Сталин, Болгария», — пишет приемсдатчик на деревянной табличке.

Комсомолец Николай Ванчура — один из лучших механизаторов порта.



сиам. Для того, чтобы управлять кранами, транспортерами и другими машинами, нужно хорошо знать математику, физику, механику. Не удивительно, что многие портовики учащаются в школах, на курсах, в институтах. Особенно настойчиво учатся молодежь.

Из года в год расширяется международная торговля нашей страны. В Одесском порту это отчетливо видно по тому, как непрерывно растут потоки грузов, идущих со всех концов света. От портовых причалов уходят в дальние рейсы советские корабли. Их пути лежат через многие моря и океаны к берегам Китая, Цейлона, Египта, Англии, Норвегии. Отсюда, из Одессы, уходят в далекую Индию пароходы с зерном для голодающих индусов. С одесского рейда начинали свой путь в Италию корабли с продовольствием и медикаментами для итальянцев, пострадавших от наводнения. Грузы, нужные для мирного строительства, идут через Одессу в порты стран народной демократии — Дуррес, Констанцу, порт Сталин. От причалов порта уходят в ежедневные рейсы знаменитая китобойная флотилия «Слава».

В шторм и в штиль, днем и ночью отправляются в плавные корабли.



Из порта в город поднимаются гранитные ступени знаменитой одесской лестницы. Она ведет на Приморский бульвар — излюбленное место отдыха жителей Одессы. После работы и в воскресные дни на бульваре отдыхают семьи рабочих порта.



# ПЕРВАЯ КНИГА

ка, ни травинки, буквально не за что зацепиться. Тут, собственно, сказано даже меньше, чем написано, потому что многозначность слов внет былые девушки на свете: что ни день, то сумма новостей жаужасная, иллюзорная. Вчитываясь в стихотворение внимательно, видишь: а нем нет, что называется, ни текста, ни подтекста. Это произошло потому, что поводом к его написанию послужили не глубокие размышления автора, а новость какине причины.

Следы анимой многозначности видны и во многих других стихах Е. Полянского. Вот стихотворение «Малырь». Три четверти его посвящено рассказу о том, как «машет проворно крыльцо» человек в «цветистой» спячке и что стена дома при этом становится зеленой, «как луг». Стихотворение кончается так:

Малырь работой зрыной  
Зеленится, улыбаясь,  
На клумбах, в газонах и парках  
Умк Помогает весна.

Опять бабдушка, опять пустачок. Ну, в самом деле, что даст читателю этот стих, какие струны его души затронет? Тут нет ни подлинной поэзии труда, ни действительной «красоты» природы. Есть лишь не очень ловкая попытка сравнить «работу» весны с работой маляра. Стоило ли только ради этого браться за перо?

Не mancano лирика и стихи о монтере, о водителе автомашин. В них тот же недостаток: автор, рассказывая о труде этих людей, не приходит хоть к каки-

нибудь образным обобщениям, он просто фиксирует на бумаге то, что происходит перед его глазами.

Однако мы не оговорились, сказав, что Е. Полянский — человек способный. Он умеет мыслить образами. Правда, удается ему это редко, но все-таки удается. Каждый, кто прочтает, например, его стихотворение «Письмо товарищу», давнее название этой книжке, согласится, что оно написано в меру, прилично. Каждый, кто прочтает, например, его стихотворение «Письмо товарищу», давнее название этой книжке, согласится, что оно написано в меру, прилично. Каждый, кто прочтает, например, его стихотворение «Письмо товарищу», давнее название этой книжке, согласится, что оно написано в меру, прилично.

Хорошее впечатление оставляет стихотворение «Азденца». Здесь сердечно рассказано о старом надворном рабочем, герое труда. Азденца уже давно нет в живых, за оградой Азденца возвышается только маленький «холмик в цветах», но заводской молодежи не забыть чудесного работника: на железе осталась тепло его рук, в утреннем гуде рабьатах слышится знакомый, глуховатый стариковский басок. Даже из простого пересказа видно: стихотворение написано не просто так, лирично, образно, глубоко и с целью.

Хотелось бы, чтоб молодой автор как можно настойчивее развивал в себе умение мыслить и говорить языком художественных образов, умение углубляться в тему, умение вдуматься и находить нужные слова, а не довольствоваться тем, что подвернется под руку.

В. ТЕЛПУГОВ

Заполнять в МТС...  
Пусты поют шныг дуде:  
«С мыным рай и в шпалане»...  
Идет кавалериста  
Не таяя по душе:  
Центр, квартира в доме номер,  
Холодильник и гардер,  
Телевизор, ванна, — словом,  
Комфортабельный шпалан.

Нет, обывательская дрянь не улетучилась еще из нашей жизни.

То, что место «карьерий и герондильных» положения дела не меняет.

Юрий Благос пишет остро и с хорошей иронией. Многим запомнилось его четверостишие «Осторожный критик»:

Я да смею! Но нам нужны  
Подобнее Щедрина  
И такое Гоголя,  
Чтобы нас не трогали...

Эта же ирония чувствуется и в другом стихотворении, «Фильм из жизни шехтэров»:

...они идут за залом рид,  
Мудриты разогор горат:  
Девиды, сделав пригроз,  
Просьют розм им воедид.  
Они идут и выкоше,  
Приходит чинно во дворец,  
Где наполняют свой бонал  
И отряпывают светлый бал.  
От мезонетом — полониза.  
За полонизом — эносса.  
Потом гают... (Вот так и вил  
Ноназад в фильме был.)  
Донбас!

Конечно, многие из стихов Благоса не лишены недостатков. Автор употребляет порой неточные обороты, рифмует глупость — грубость, раскисание — публик, звездкам — гостям, новаторы — эсквавторы... Но это неудачи очевидные, и нет сомнения, автор постарается избежать их в будущем.

Хочется сказать о другом — о стихах, явно неудавшихся и напрасно включенных в книгу: — о «Волго-донских каштужах» и «Будничных каштужах». Разве можно кто-нибудь петь!

Мне о миллионном пронатитесь  
Можно с вышеннейшей поэзии  
От ставкам до волтыи.  
Вез отрыва от волтыи.

Нат тут не остроуми, ни обособо-го смысла. Это подделка под народное. Помните, Маяковский говорил о японских рашинках и вреще каштужах. Но хотелось бы видеть в сборнике «Своими словами» вреще каштужу. Это снижает общий уровень книжки. Хочется думать, что автор может писать только так, как он написал «Осторожного критика», и даже лучше.

Бор. ЕГОРОВ

## ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Первую книгу молодого, еще неизвестного нам автора мы открываем с тем же добродельно-теплым чувством, с каким положим руку при первом знакомстве человеку, в котором хотим бы найти нового друга. И если первая встреча по каким-либо причинам разочарует нас, то вто-

Егор Полянский  
ПИСЬМО ТОВАРИЩУ

## ИСКАТЬ И НАХОДИТЬ

Бывают стихи, которые волнуют как-то особенно, они затрагивают не только мысли, будят чувства, вызывают ассоциации, воспоминания. При таких стихах говорят, что в них сказано больше, чем написано. Вспомните любую строку Маяковского: «Вокруг каждой его строки целый мир мыслей, страстей, чувств, волнений ума и сердца, которые перелетают и нем, и мы читаем эти строки с той же душевным жаретом, с каким они были написаны. Это потому, что автор назвал «единого слова ради тысячи тонн словесной руды». Умение так писать должно учиться у Маяковского все наши литераторы, в особенности молодые.

Перед нами сборник стихов молодого автора Егора Полянского «Письмо товарищу» (Курское книжное издательство, 1954). Мы не собираемся сравнивать первые неброски начинающего со стихами великого поэта, но мы обязаны при разговоре о поэзии всегда обращаться к опыту ее мастеров для того, чтобы разговор этот был более плодотворным и действенным.

Когда к стихам, собранным в этой книжке, начинаешь присматриваться с позиций большой требовательности, отчетливо видишь: молодой поэт обладает хорошими задатками, но не использует их даже неполноценно, и слово куда-то торопится, летит, многие свои слова на первых попавшихся слов, но особенно задумываясь над их смыслом, над тем, какой отзвук найдут они у читателя. Так появляются в свет стихотворения пустячные, но несущие ни смысловой, ни эмоциональной нагрузки, стихи, которые можно, читая, оборвать на любой строфе — ничего от этого не изменится.

Вот стихотворение «Письмо-мось»: «Все она известна и знакома — На селе, в райоине, по тону. Носит она «вольшину» без грона, Письма и газеты на боку.

По тропинке на велосипеде Прохлдет, а ветерок за ней... Ноги бочке девушки на свете: Что ни день, то сумка новостей.

Стихотворение напоминает стеклянную поверхность — ни бурог-

## СВОИМИ СЛОВАМИ



№ БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА 111

В библиотечке «Крокодила» вышла сборник сатирических стихов Юрия Благоса. Отдельные произведения этого автора мы встречаем в периодической прессе не раз, но книгу его видим впервые. Она дает возможность составить представление о творчестве молодого сатирика.

Книга озаглавлена «Своими словами». Это очень точное для нее название, так как выражает основную идею автора:

Коль мы, автэвца  
Смешиваем злою,  
Хотим, чтоб ведео у нас  
«Двира» породаево  
То прежде всего  
Мы обяваса с вами  
Навья все породи  
Своими словами!

Назвать порок своим словом — значит разоблачить его. Гневный стих сатирика направлен против лодырей, бюрократов и их покровителей, против тех, кто мешают нам быстрее идти вперед.

Ю. Благос умеет найти остро, актуальную тему и решить ее по-своему. Одним из его героев является, например, «цветущий юмич», который «вращается, измет и поверже» вращение.

Кто же это человек? Чем он занимается и какая беда постигла его? Речь идет о комсомольском лесе, лавине булет на обьоме, райома и других инстанций.

Бюрократическая стихия опасна. С ней надо активно бороться. Опаса и другие стихия — стихия мещанства. На одной из страниц сборника мы встречаемся с двумя десятицами, которые никак не поймут, для чего в Колонном зале, где они только что были, артист читал стихи Маяковского о мещанстве, о камерном уюте. «Образованным» десятицам кажется, что эта тема ныне не звучит, что

Улучшится в пространстве  
Объявительская припл,  
Огневное мещанство,  
Камерный и геронд.

Но вот те же девчонки начинают разговаривать о мещанских делах: — Ты встречивался с Сергеем? — Он выкошевался блотес. Предлагает с ним — о боем!

## ЛИТЗАКРОЙШИК

Фельетон

Рисунки Е. Гурова

рой уже может и не быть. Во всяком случае, искать ее сами мы не будем. Потребуется какие-то особые обстоятельства, чтобы в нас снова пробудили прежний интерес...

Все эти мысли возникли у меня, когда я заново перечитывала сборник рассказов молодого смоленского писателя Бориса Бельтюкова.

Открывающей книгу небольшой рассказ «Голубя», на мой взгляд, можно считать программным для автора. В рассказе изображен простор, но весьма характерный для нашей действительности случай. В дни восстановления разрушенного войной города эле знакомые между собой жильцы одного двора поднимают появившуюся бурей тополя, обнаруживая при этом друг перед другом свои лучшие человеческие качества.

Вот, собственно, и все. «Голубя» в тополь, все постепенно разошлось по домам. И как-то по-иному посмотрели они на заброшенный двор, думая, что с ним можно сделать. А дома, за исключением, конечно, с каким-то хорошим чувством рассказка саом, как он помогал поднимать тополь.

Скрывшись лучших человеческой качества, проявляющиеся в творческом, созидательном труде, изображением духовного богатства советских людей посвящения рассказка, собранные в первой книге Бориса Бельтюкова.

В рассказе «В командировке» он показывает, как высоко развито благородное чувство собственного достоинства у простой советской девушки, работающей официанткой в районной столовой. Когда ей показалось, что молодой техник, приехавший в командировку из областного города, пренебрежительно относится к ее скорой профессии, она резко дает ему понять, что он неправ.

В отличие от героини этого рассказа, которая считает, что плохие профессии нет, что везде, на любой работе можно быть полезным, герой рассказа «Радиус Чаква» ищет такого дела, которое бы требовало «подвиган». Именно поэтому он и пошел в геологическую партию. Но, оказавшись в горах, он увидел, что работа геологов такая же обычная, как и прочие, что сами геологи ничем не отличаются от других его знакомых.

Чаква приходится много спорить со своими товарищами. Они на досуге хотят послушать концерт из Москвы, а он не разрешает надо экономить питание для приемника, чтобы в трудный мо-

Мы у прозаиков иных  
И у иных поэтов  
Над нами множество живых,  
Глубоких,

новых,  
бесных,  
Волюнтаристских сюжетов.  
Но попадаются подчас  
И «литзакройщики» у нас.  
Свой в литбюро метод  
Закройщик вводит эрот.

Писатель в клубе выступал,  
И в творческом счете  
Вот что он скромно рассказка  
Нам о своей работе:

«Сейчас пишу поэму я  
О школах кройки и шитья.  
Сюжет довольно смел и нов:  
Директор школы, Пискунов,  
Отстал,

Хандригт, скучает,  
Занасал. Не читает книг,  
Во что-то он недоприник.

И вот его же ученик  
Его разоблачает...

Еще задумал я роман  
И набросал примерный план.  
Сюжет решил я взять такой:  
Директор крупной мастерской,  
Где делают саидалы,  
Отстал... Ну, и так далее.

Потом я пьесу накатал.  
Сюжет: директор поотстал  
И с правильной дороги  
Чуть не свернул в итоге,  
Но скин тереть, пионер,  
Необратит что-то;  
Отец берет с него пример.  
И вновь кипит работа.  
Ну, разумеется, в конце  
Побеждена рутинка!

У папы слезы на лице,  
И он цеаует сына...

Еще, скажу по совести,  
Мечтаю я о повести.  
Сюжет могу вам рассказка:  
Москва. Торговый сектор.  
И трест, где начал отставать  
Передовой директор.  
Когда-то он дерзав, мечтал,  
Но обалеласи и отстал,  
Учиться не желает.  
И вовсе обаял бы с пути,  
Но дочка лет пяти-шести  
Мозги ему вправляет.  
Вы эту повесть через год,  
Надеюсь, все прочтете...

Здесь приведен сухой отчет  
О «творческом отчете».  
Показан здесь

знакомый всем  
Любитель штампов,  
Хранитель трафаретов,  
Из пальца высосанных тем  
И выжатых сюжетов.  
На днях, прочтя один рассказ,  
О нем мы вспомнили как раз.



вет характер, зная, что исполняет свой долг. Когда же попадает в беду инженер Лелетин, с которым у радиста было больше всего стычек, он, не раздумывая, бросается на помощь и спасает Лелетина.

Верность собственному долгу — вот чем Б. Бельтюков проверяет своих героев.

Детские рассказы Бельтюкова развертываются с простотой и естественностью, которая убеждает в подлинности всех изображаемых автором людей, их чувства и поступки.

Конечно, многое в рассказах Бельтюкова недостаточно развернуто, кое-что только-только намечено. Изобразительные средства автора еще бедны.

Многие страницы испорчены языковыми штампами. Автор еще не всегда умеет найти естественное и нужное слово и слишком часто пользуется приемами повлаживания под руку. Ему ничего не стоит написать, что около школы был устроен пришкольный участок, хотя само собой разумеется, что пришкольный участок может быть только около школы.

Такие огрехи, к сожалению, встречаются в сборнике Бельтю-

кова слишком часто, чтобы мимо них можно было пройти. Они вызывают досаду, тем более, что рядом с невыразительными местами мы встречаем у него целые куски, написанные свежо и appealingно.

Вот для примера одно место из рассказа «Сапоги»: «Так мы и шли по деревянной улице, полные чувства собственного достоинства. Отец иногда сканивал глаза вниз на мои сапоги и негромко рычал: «Не зарейбь грязь носками. Не шарки подшошам-то, поднимай ноги выше. Не коси нога-то, каблук стопчешь».

От этих замечаний я краснел, смущался и шел неестественно

походкой, но отец не замечал этого».

Здесь все на месте, нет ничего случайного, лишнего. А ведь так могло быть написано все. Но ни у молодого автора, ни у его редактора не хватало работавальности.

Конечно, работавальность — дело неживое, но сама собой она не приходит. Ее нужно воспитывать в себе.

Мне кажется, что читатель, который внимательно и добросовестно отнесется к сборнику Бориса Бельтюкова, после первой встречи не отвернется от него и будет ждать новых встреч.

Н. РЫЛЕНКОВ

## ПРАВДИВЫЕ РАССКАЗЫ

Шел по лесу человек и насчитывал. Вдруг заметил, кто-то перерезывает его. Оглянулся — никого нет. «Это бурдунок!» — догадался человек. Сел под деревом, не шевелился, а свиста продолжал. Бурдунок — и ныкнул на колени. Человек взял бурдуночку, и теперь зверек живет у него в комнате.

История довольно простая, но занимательная, забавная. О ней рассказывал писатель В. Корюкин в своей первой книге «Самуишанка», вышедшей недавно Ленинградским отделением Детиздата. Научно-художественная книга для малышей — одна из самых сложных жанров в литературе. Маленький читатель требует абсо-

мент не остаться без связи с миром. Товарищи считают Чаква сварливым и неуважаемым человеком, сторонятся его. Как ни больно это Чаква, он выдерживает

лотной правдивости и ясности изложения. Едва усомнившись в том — либо, он тотчас же задает вопрос: — А так бывает?

И беда, если ребенку нечуждо объяснить о правде писателя на художественный домysel. Он все равно не поверит и отвернется от книги.

Книга В. Корюкина обладает хорошими свойствами: в ней нет художественного домysла, который мог бы вызвать у ребенка недоверие к прочитанному. Все незамысловатые приключения, описанные в книге, действительно происходят с автором или его юными друзьями.

Автор не просто излагает свои наблюдения над животными в лесу, в поле, у реки: он старается помочь юному читателю правильно разобраться в явлениях приро-

ды. И о чем бы ни говорил автор: о проворном бурундуке (рассказ «Сантушишка», давний название книге), о маленьком каресике («Карасик»), об обитателях лесного озера («Юнона») или о конном охотнике («Мядведь»), — всегда чувствуется большая любовь к родной природе.

Рассказы В. Корюкина не безукоризненны. Можно было бы некоторые из них дописать, обогатить деталями, как, например, рассказ «Сантушишка». Другие, наоборот, — сократить, как рассказ «Велючка-погровелючка», в котором приключаются совершенно вымышленные события. Не всегда точен и выразительный язык рассказов. Недостатки в книге есть, но они устранимы и не лишают книгу ее бесспорных достоинств.

Ю. ДМИТРИЕВ

## «СЕМЕН ПАЛИЙ»

воин, близкий народу, знающий его беды и горести.

В яркой батальной сцене перед нами вырастает образ умелого полководца, не теряющего способности руководить боем в самых сложных обстоятельствах. В разговоре с послан. Патулушки Палий предстает опытным дипломатом и высокообразованным человеком, разбирающим созданный его врагами легенду о том, что Палий — катанам разбойничья шапка.

Мужественным, честным эрираем без страха и упрека Палий проходит через все испытания. Прекрасны сцены возвращений Палия из сибирской ссылки, встречи его народом.

Исторически верен образ Мазепы, занимающий в повести значительное место. Автор узнал из первых страниц произведения, посвященных избранно Мазепе гетманом, передает недовольство простого казачества, зрящего цену этому злитрому, изворотливому человеку. Мы следим за тонкой двойной игрой, которую искусно ведет Мазепа с начала своей гетманской деятельности, видим, как шаг за шагом он идет к прямому, открытому предательству интересов украинского и русского народов.

Ю. Мушкетик показывает законную историю этого предательства. Оно мотивировано не только актом уступки, а также историей прошлого, складом его характера, тщеславием, но прежде всего тем, что Мазепа отражал настроения замеченной украинской старшины. Безумно веруется образу Самылы и Абзана, небольшой, но художественно выразительный портрет сотника Циля, фигуры других соратников Палия — Самулы, Андрушечки, Андрушечки, Завальского. Это смелые, честные воины, готовые следовать за своим вождем до конца.

Ю. Мушкетик — автор молодой, недостаточно опытный. В его повести встречаются единичности, особенно в описании некоторых батальных эпизодов. Не хватает порой автору и яркой публицистичности отдельных страниц повести. Однако в целом повесть Ю. Мушкетика, несомненно, привлекает внимание советского юношества.

Ю. ИВАЩЕНКО

## СЧАСТЛИВОГО ПУТИ



«Счастливого пути». Повесть. Харьковское книжное издательство. 1954. Не постепенно коллектив угнетает в себя утробу, а жизнь школы, она начинает интересоваться историей, медициной.

Шаг за шагом, день за днем прослеживает автор рост Милочки. Коллектив не только раскрывает перед ней миру и красоту человеческого труда, но и сумел дать верное направление ее мечтам. Милочка перестала быть отстущей ученицей, егдаким учеником, она становится полноправным членом коллектива, по-новому видя людей, хочет сделаться врачом.

В развитии, в становлении даны образы и других учеников класса: Володи Русина, Алеши Рубцова, Игоря Ясанова.

В повести затронуты вопросы труда и учебы, любви и дружбы, выбора профессии, выбора пути. Это произведение привлекает еще и тем, что оно освещает время, почти не отраженное в детской художественной литературе — период 30-х годов: время таких знаменательных событий, как начало второй пятилетки, Челюскинская эпопея. Молодой читатель узнает о юности своих отцов.

Повесть — первый шаг молодого писателя в литературу. Хотелось бы, закрывая последнюю страницу книги, пожелать автору вместе с его героями счастливого пути.

Алла КИРПЕВА

## «БУДНИ»



в борьбе с врагами народа, как на фронтах гражданской войны, так и в годы восстановления народного хозяйства. Враги Стуческий и Сухопарин, вражеские подполковники Зятин и Науков, чинные вельможи, оборонистратеги типа Мишина — вот против кого приходится выступать коммунистам и комсомольцам нарождающегося советского Военно-Морского Флота.

Герои романа живут полнокровной жизнью. Один из них редует нас, воссияют, и нам хочется быть такими же, как они: активны, небоятся, возмущают, ожесточают, и нам хочется принять участие в борьбе с ними.

Роман запоминается. И не только потому, что нас затронули всеобщие личная судьба героев, их успехи и неудачи. Отложив книгу, мы невольно вспоминаем людей, с которыми доводилось в жизни встречаться и находить: Зятин и Науков, комсомолец Ржанова и Рабинина, а некоторые на Зятлина, Наукова.

«Будни» — роман о морях. В нем есть морская романтика, есть все то, что пленяет воображение молодежи. Может быть, прочитав «Будни», многие юноши захотят пойти во флот. Но значение книги намного шире и глубже. Принадлежит она типу литературы, которую не известно. И это обстоятельство придает книге особый интерес: в нашей литературе появилось новое имя.

М. ШКЕРИН



Но близ московского шара кто воин сей той охотникам? Душа подвизная казакам, Сердечной ревностью горит. Он оном опытным героем Возврат на воинские бои.

Этот эпизод из пушкинской «Полтавы», который, по мысли Беллинского, из подробностей битвы особенно замечательна, посвящен одному из верных сынов Украины — Семюну Палию. Сложен был путь, приведший фастовского провинциала на поля исторической битвы, где мы видим его стоящим бок о бок с Петром, в кругу русских генералов.

Об этом славно пути и рассказывает Юрий Мушкетик, аспирант Киевского государственного университета, в своей первой книге «Семен Палий», изданной «Молодой гвардией».

В повести «Семен Палий» события происходят несколько десятилетий спустя после воссоединения Украины с Россией. Как известно, на все из преемников Богдана Хмельницкого, провозгласившего от украинцев украинское государство, клятву на вековую дружбу с русским народом, остался вей верен. Иные из них, дрожа за свою поместь, замирали то с польскими магнатами, то с турками и татарами. Лишь простой народ оставался верен заветам Богдана и держал сторону Москвы, в которой он видел единственно верного друга и защитника.

О борьбе народа за свои законные права, завоеванные в славные дни Богдана Хмельницкого, повествует Ю. Мушкетик.

Центр повести — полковник Семен Палий, испытанный в боях

## ДВА ЛИЦА

Юрий Люшин все время был одним из лучших производственников завода. Его портрет почти всегда можно было видеть на Доске почета. Юрий без задора выступал на собраниях, участвовал в художественной самодеятельности. И если бы в некоторое время назад спросили секретаря комитета ВЛКСМ завода Нину Баранову о лучших комсомольцах, то среди них она непременно назвала бы Люшина.

И вдруг — на повестке для комсомольского собрания «персональное дело Люшина».

Что же случилось? Нина Баранова излагает собранию суть дела. Люшину едва исполнилось 25 лет, но он успел уже несколько раз жениться. Недавно, оставив вторую жену и ребенка, Люшин вступил в третий по счету брак.

Комсомольцы удивлены, некоторые не верят тому, что услышали. Они требуют, чтобы сам Люшин объяснил свои поступки.

И вот он спокойно поднимается и говорит:

— Видите ли, — говорит Люшин, — с первой женой я не мог жить потому, что мой и ее родители сильно не ладили. На второй женой из-за своего благожелательства, так как у нее должен был появиться ребенок. Теперь я люблю другую. Ребенку я, конечно, буду оказывать помощь.

Люшин пытается оправдаться. Он хитрит, изворачивается.

На собрании присутствует вторая жена Люшина. Комсомольцы просят молодую женщину рассказать о поведении Люшина в семье. Мало что из этого знала, рассказывает женщина, как вел себя этот человек после работы. Дома он часто избивал жену, заставлял ее учиться. Когда Люшин уходил из семьи, он забрал принадлежавшие жене вещи, а те, которые не мог взять, попортил.

Теперь Люшин уже не оправдывается, с него сорвали маску, и он предстал перед собранием таким, каким его раньше видели только дома. Люшин пытается оскорбить, опорочить жену, но комсомольцы дают ему достойную отповедь. Собрание единодушно исключает Люшина из комсомола.

Во всей этой истории удивляет не только глубокое безразличие молодого человека, но и то, что комсомольская организация не сумела во-время разглядеть истинное лицо человека, который в течение долгого времени общался товарищески, лгал, притворялся.

К сожалению, у нас еще встречаются комсомольские вожаки, которые считают, что поведение комсомольцев — быть это их личное дело. Таким настроениям надо положить конец. Комсомольские организации обязаны воспитывать у юношей и девушек высокие моральные качества, коммунистическое отношение к любви, браку, семье.

Д. РЯБОВ,

секретарь РК ВЛКСМ Истринского района Москвы.



## Национальные виды спорта

# АЛАМАН-БАЙГА, ОРДО, КУРЕШ

фото К. Курманова и М. Краснянского.

**В** Киргизии очень популярны конно-спортивные игры. И это не удивительно. Киргизы — природные всадники. Среди них редко встретишь человека, который не умел бы управлять коном.

Группа всадников, нетерпеливо перебирая поводья и помахивая плетками, ждет начала состязания. Но распорядитель игр, седобородый аксакал, не спешит: торопливость не к лицу пожилому, уважаемому в яле человеку. Наконец он снимает левую вольничую шапку, украшенную черным кантом, секунду держит ее в воздухе, затем резко опускает. Глянув, всадники срываются с мест. Скачка, или, как ее здесь называют, аламан-байга, начинается. Следом за соревнующимися, вздымая облака пыли, мчатся на конях нетерпеливые зрители, боясь упустить самые интересные моменты борьбы.

Аламан-байга — один из самых любимых видов киргизского народного спорта. Нередко в скачках участвуют и девушки, среди которых немало умелых наездников. Как гора бывает тот, кому удается выиграть скачку! Все выражает победителю свое уважение.

Пока проходит скачка, на площадке начинается другая древняя народная киргизская игра — ордо. В центре круга диаметром в десять метров устанавливают до двухсот алычков (косточек). Игрок издалека метает биту — абылаку. Он должен выбить алычки так, чтобы бита останавливалась не дальше 15 сантиметров от одного из алычков. Если это удается, игрок входит в круг и продолжает кидать биту уже с более близкого расстояния. Если же бита отлетает далеко, игрок выбывает из соревнования. Состязаются в ордо две команды по 20—40 человек.

ловине, кушак. Схватка проходит в очень быстром темпе.

Не менее интересна борьба на поясах, или, как ее здесь называют, куреш. Борцы в белых шароварах выходят в круг, обхватывают и берут друг друга за пояс. По знаку судьи начинается схватка. Борцы стараются повалить друг друга и заставить коснуться спиной землю.

В Киргизии есть свои чемпионы по аламан-байге, по игре в ордо, по курешу.



После скачек на другом конце площадки обычно возникает новое состязание. Плотная толпа окружает двух всадников. Они без рубашек, одоваемые широкими, крепкими кушаками. Подбрасываемые криками зрителей, всадники начинают схватку — кто кого сумеет сбросить с лошади. Они хватают друг друга за руки, ту-

Сейчас в республике построено немало стадионов, спортивных площадок. Среди киргизов есть отличные спортсмены — боссеры, футболисты, бегуны, пловцы. Но свои национальные спортивные игры киргизский народ не забывает. Они попрежнему пользуются большой популярностью.

Ф. НИКОЛАЕВ





Шахматы — любимая игра китайских ребят.

## Сянци — китайские шахматы

ДУ ЦЗИН-МИН,  
редактор шахматного отдела газеты «Синьминьбао»

Китайские шахматы — сянци — пользуются в Китае большой популярностью. Партия игры обычно длится недолго; ведется она в быстром темпе. В Пекине можно встретить играющих в китайские шахматы под простыми навесом в парке, в лодке на пруду. На многочисленных строительных площадках, едва пробьет шаг обведенного перебора, рабочие называют из паровоз шахматы и сажая играть. Зрители буйнолюбно выслушивают на плечах у играющих и шумно реагируют на то, что происходит на доске.

Интересна история китайских шахмат. Наименование «сянши» по-китайски означает «игра на постовах». По слухам это наименование индусское название шахмат — «сатранга», что значит «четыре угла» — четыре основные части земли. Обычно считают, что шахматы появились во всех странах шахматы родились в Индии. Если же учесть, что китайские шахматы по многим схожи с ними, то можно предположить и заключение, что происхождение у них, видимо, общее.

Пришли ли китайские шахматы из Индии или, наоборот, Индия заимствовала их у Китая, определить трудно. В той и в другой стране существует множество легенд, приписывающих изобретение игры разным мифическим персонажам или реальным историческим личностям. Но достоверности этой игры говорится в одной из таких легенд. Нейин дровосек по имени Ван Ши из Синьшан (ныне провинция Чжэньцзянь), поднявшись однажды на гору, увидел там двух молодых людей, которые сидели на шахматной доске. Ван откликнулся в сторону своей топор и стал наблюдать за игрой. Когда же наконец пришла пора расстаться, дровосек увидел, что хопозонца стаяло. Вернувшись в деревню, он узнал, что прошло сто лет, что за время его отсутствия друзья и родственники давно умерли.

Пришла игра в китайские шахматы такюва. Каждый из игроков раскладывает, так же как и в шахматы, фигуры, похищенные друг на друга; это плоские кружочки, из-

готовленные из слоеной юсти или другого материала. Различаются фигуры только по вырезанному на них названию. Поле, на котором происходит игра, состоит из двух частей, по 32 клетки в рядовой. Между обеими частями «протягивается река». Фигуры ставятся не в самых углах, а в точках пересечения линий. На нижней стороне имеется «главная изгородь», состоящая из четырех клеток, прерываемых диагональными линиями.

Китайские шахматы состоят из следующих фигур:

1. «Генерал (король). Эта фигура по своему выделена из прочих своей «главной изгородью». В пределах ее «изгородь» она может двигаться в любом направлении, если только не попадет под шх. Обя «генерала» не должны стоять друг против друга на одной линии, если между ними нет какой-нибудь фигуры.

2. «Ученые» (в обычных шахматах нет аналогичных фигур). У каждой из сторон имеется по два «ученых». Двигаются они по диагонали лишь в границах «главной изгородь» и только на одно деление. Их задача — защищать «генерала».

3. «Советники» (слоны). Эти фигуры движутся по диагонали сразу на два деления. Если, однако, на пути оказывается другая фигура, «советники» двигаться не могут. Их задача — защищать «генерала».

4. «Колесницы». Подобно ладье, эта фигура может передвигаться по всему полю в любом направлении — по вертикали и горизонтально.

5. «Быки». Ходит так же, как и в общепринятых шахматах, то есть делает шаг вперед, назад или в сторону и затем один шаг по диагонали. Но шагать черы фигуры «быки» не могут.

6. «Плуша» (в обычных шахматах нет аналогичной фигуры). «Плуша» движется подобно «колеснице», с той лишь разницей, что она может объявлять шх или брать другую фигуру, если только между ними имеется какая-нибудь другая фигура.

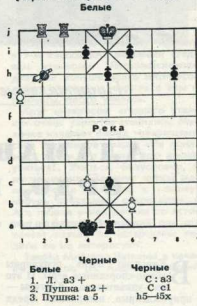
она может объявлять шх или брать другую фигуру, если только между ними имеется какая-нибудь другая фигура.

7. «Солдаты» (пешки). «Солдаты» движется вперед на одно деление, только не вперед «к реке». После этого он может двигаться и в сторону, но лишь «назад» только на один шаг. В китайских шахматах нет «ферзев» (ферзь). Таким образом, главными нападающими фигурами являются «пуши» и «колесницы».

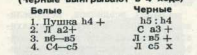
Китайским шахматам посвящено ряд книг, появившихся еще в XVII веке и позднее. Одна из лучших изданных называется «Встреча семи звезд». Для знакомства с китайскими шахматами мы предлагаем два варианта этой игры.

1. Удобства читателя фигурмы, имеющие двойные в обычных шахматах, обозначаются общепринятыми буквами.

### ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ (Черные выигрывают в 3 хода)



### ВТОРОЙ ВАРИАНТ (Черные выигрывают в 4 хода)



Хотя шахматы всегда пользовались популярностью в Китае, в прошлом году эта игра стала более популярна. Возникли новые шахматные общества, все чаще стали проводиться соревнования. В октябре 1949 году шахматный клуб был организован в Шанхае. Игры проводились там еженедельно по субботам, а лучшие из игроков приглашались и участвовали в соревнованиях.

В сентябре 1950 года одна из шахматных газет организовала в южно-китайском городе Чуншань шахматный турнир, в котором участвовало более 300 человек, в большинстве рабочие и учащиеся. С тех пор здесь каждый год проводятся шахматные соревнования. В октябре 1953 года шахматный турнир состоялся в алье культуры шахмат Чуншаньского парка. На турнире присутствовало более 5 тысяч зрителей. В дни весеннего праздника в 1954 году Пекинский шахматный ассоциация организовала турнир в трех частях города. В то же время турнир состоялся в Аньшэне в честь китайской стахановской промышленности; в нем участвовало много рабочих.

Китайский народ любит свою национальную игру. Некоторые любители шахмат изучают сейчас и теорию общепринятых шахмат, которые завоевывают все больше и больше поклонников.

(Современный перевод из журнала «China reconstruct».)



## СМЕНА В номере:

- А. Деметров — Наш молодец!
- В. Мидельсон — Учиться шахматству.
- Шамилъ Байганов — О своем занятии.
- А. Валодис — Не отвращай от меня!
- А. Филдос — Внимание литературному!
- Э. Индкс — Критикуйте, но жалейте, но и учите.
- Д. Вильямс — Самолюбивые поэты.
- Павел Шобунин — В долгу перед читателями.
- А. Васкин — Литературные зениты.
- Михаил Пустынский — До и после Фелетто.
- Владимир Красильников — Петербург.
- Сергей Львов — Рисунок карандашом.
- С. Атрыганьев — Буран. О любви и дружбе, обзор писем в редакцию.
- Драго Сличич — Свет над Албанией.
- Одесса-порт. Фотохроника.
- Решены на терезе книги молодых писателей.

На первой странице обложки: Куйбышевградстрой. Вид на шахматодворец в центре города. Фото А. Мокеева.

На четвертой странице обложки: Герой Социалистического Труда Алисов Улеисов со своим учеником, юным чемпионом Пучечкиным на монтажной площадке здания Куйбышевской ГЭС. Фото А. Мокеева.

Оформленные номера  
З. Урина.  
Технический редактор  
О. Шрова.



Главный редактор М. А. Вейлишко.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д-334-24.

Тираж 120 000 экз.

Изд. № 1033.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Редакция: В. Аизев, Г. Гуля, Е. Долматовский, Б. Егоров, Н. Мухом, О. Кожухова, М. Луконин.

А 08037. Подписано в печать 30/IX 1954 г. Занял № 3275.

Формат бумаги 70 x 108/16.

1,75 бум. л.—4,8 печ. л.



Аэраты скотоводческого района Монголии встречают врача, прилетевшего к больному на санитарном самолете.

## СЕГОДНЯ В МОНГОЛИИ

Национальный герой монгольского народа Суха-Батор говорил: «Если мы, если весь наш народ объединятся в едином стремлении, в единой воле, то нет ничего в мире, чего бы мы не добились...»

Это было сказано еще в то время, когда Монголия — нищда и разоренная — находилась в цепких лапах феодалов, когда кочевники-аэраты прозябали в нужде и бесправии.

Но вот в эту страну долетели отзвуки залпов Великой Октябрьской социалистической революции. С помощью братского русского народа монголы свергли мощью иноземных захватчиков, сбросили ненавистное иго феодалов. Тридцать лет назад — 26 ноября 1924 года — Великой Народный Хурал провозгласил Монголию народной республикой.

За прошедшие десятилетия лицо страны коренным образом переменялось. О прежней, тяжелой жизни можно узнать лишь из книг.

До народной революции в Монголии не было не только своей отечественной промышленности, но даже больших кустарных мастерских. Теперь в одном лишь Улан-Баторе существуют огромные промышленный и полиграфический комбинаты, механический завод, маснокомбинат.

Раньше Монголию связывали с внешним миром лишь ниточки караванных троп. В наши дни по Монгольской степи проложены железные и шоссейные дороги, самолеты доставляют грузы на аэродромы. Прежде грамотность в стране составляла только 0,7 процента. На всю Монголию существовала единственная светская школа на 50 человек. В настоящее время 98 процентов населения грамотны. Во всех аймачьих центрах и крупных населенных пунктах открыты средние или неполные средние школы.

О новой жизни монгольского народа, о счастье, открытии в борьбе, говорят слова гимна Монгольской Народной Республики:

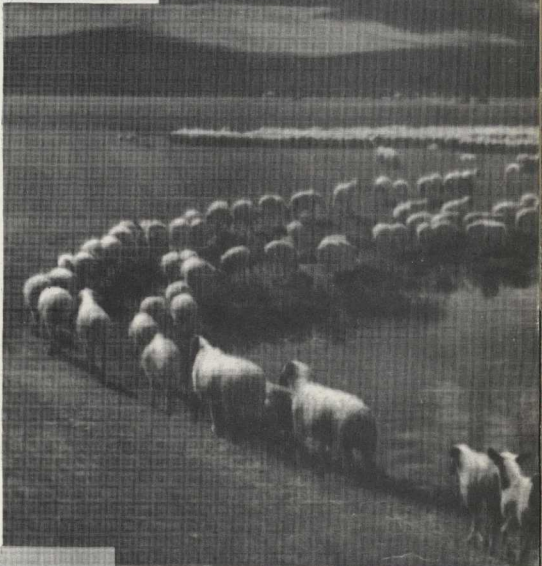
Смелый народ наш с просторов монгольских  
Горе прогнал, счастье обрел.

Да здравствует величайшая наша страна —

Ключ счастья, основа для развития народа.

И. ЛАВРУХИН

С каждым годом становится все больше столица Монгольской Народной Республики. На с и м н е дорожные работы на одной из улиц Улан-Батора.



Славой и почтом ползаетеся на руднике имени Чобал — сына бурлацкие Дамба.

